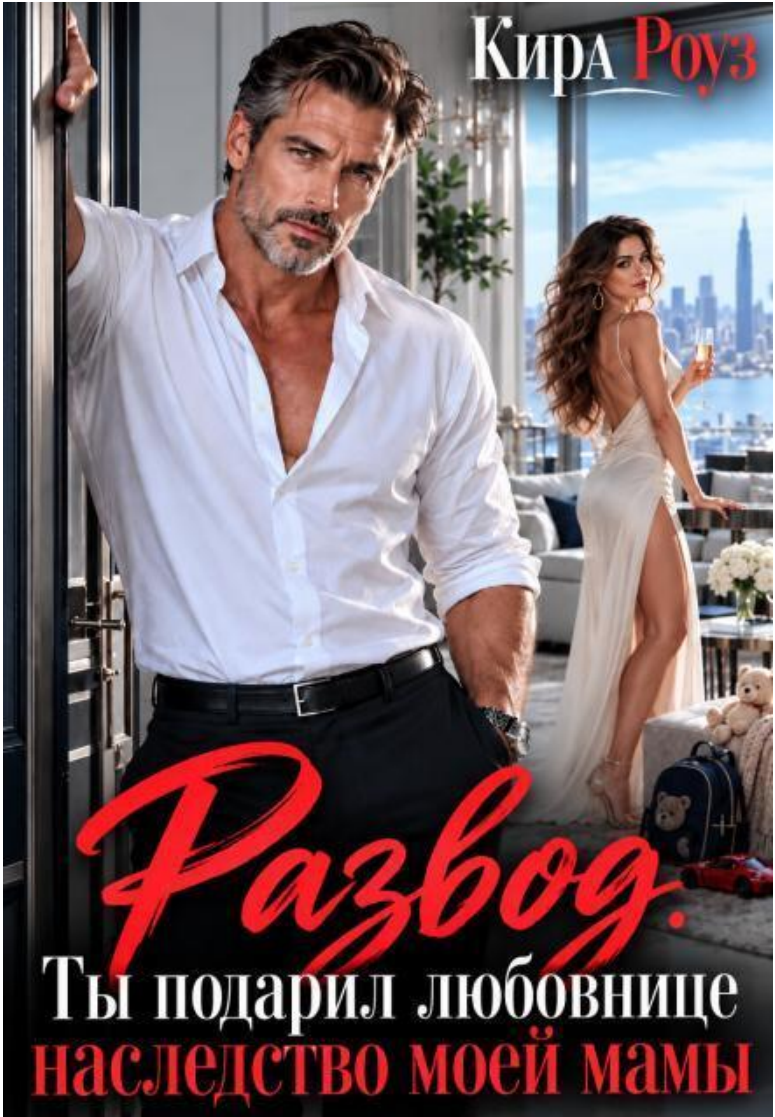

Кира Роуз
Развод.
Ты подарил любовнице
наследство моей мамы

Кира Роуз

Развод. Ты подарил любовнице наследство моей мамы

https://litres.ru/74741227

Аннотация

«Я хочу жить с папой. Мама почти не уделяет мне внимания и занята новым мужчиной», — эти слова моя дочь написала под диктовку собственного отца. Моего мужа, который не только пять лет жил на две семьи и тайно поселил любовницу с незаконнорожденным сыном в квартире моей покойной мамы, но и вознамерился подарить им эту квартиру.

Чтобы заставить меня отказаться от маминого наследства, он решил ударить в самое больное — отнять у меня ребенка.

Мой брак разрушен, но я не позволю растоптать свою жизнь. Тем более что рядом появился тот, кто готов подставить плечо.

В тексте есть: измена и развод, муж-предатель, противостояние, встреча через года, новая любовь, ХЭ

НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

Содержание

Глава 1. Вы кто такая? 4
Глава 2. Он мой сын 11
Глава 3. Где мамина кровать? 18
Глава 4. Подпись моей мамы 25
Глава 5. Папа всё это время врал? 31
Глава 6. Ты ещё и без денег нас оставишь? 38
Глава 7. Я заберу его сегодня 45
Глава 8. Я подам на развод 52
Глава 9. Бабушка знала Тимошу 59
Глава 10. Он же мой брат 66
Глава 11. Ты меня тогда тоже любил? 73
Глава 12. Ты умеешь гораздо больше 79
Глава 13. Мама хотела со мной поговорить 86
Глава 14. Тимоша будет скучать 92
Глава 15. Я хочу побыть с папой 99
Глава 16. Мама, я здесь останусь 106
Глава 17. Сколько стоит моя дочь? 113
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Глава 1. Вы кто такая?

— Вы почему без звонка?! — Виктория загораживает мне дорогу в мамину кухню. На ней короткий махровый халат. Я наступаю на игрушечный грузовик, отшатываюсь к двери. Смотрю на неё, на халат, на грузовик. Почему без звонка? Она это мне?

— Мне надо предупреждать, что я приеду к маме? — спрашиваю я. Ключ застрял, приходится дёрнуть сильнее. — Виктория, вы здесь что делаете?

Она смотрит мне за плечо, на открытую дверь. На площадке гудит старый лифт, снизу тянет сигаретным дымом. Я закрываю дверь и пытаюсь пройти. Виктория отступает ровно настолько, чтобы пропустить меня к буфету. Дальше опять стоит поперёк прохода.

В прихожей тесно. Между буфетом и обувницей примостилась сушилка с маленькими носками. Под маминой вешалкой — детские ботинки с динозаврами, женские кроссовки, пакет с мусором. На крючке, куда мама вешала свою клетчатую куртку, болтается розовый пуховик.

— Я не ожидала вас сегодня, — отвечает Виктория. Она запахивает халат и держит его у шеи, хотя пояс завязан. — Антон ничего не говорил.

— А зачем мне ему звонить? — Я заглядываю мимо неё в кухню. — Он вас попросил зайти?

Может, прислал прибраться? Хотя странно убираться в халате. Я хватаюсь за эту догадку, жду подтверждения. Но за её спиной, на мамином столе, стоят две чашки, детская миска и открытая пачка хлопьев. На холодильнике висит рисунок: зелёный дом с огромной красной крышей. Магнит из Ялты я узнаю. Мы с Полинкой привезли его маме шесть лет назад.

В сумке пустая папка для фотографий. В следующий понедельник Полине сдавать проект, а я всё откладывала поездку. Не могла заставить себя открыть мамин шкаф. Вчера дочь чуть не расплакалась: у всех уже готовы фотографии, одна она опять без ничего. Поэтому сегодня я отпросилась с работы и приехала. За альбомом. На час, не больше.

— Вы ночевали тут? — спрашиваю я. — С какой стати?

— Давайте вы сначала снимете пальто. Тут жарко.

Виктория тянется к вешалке, освобождает крючок. От этой хозяйской заботы меня передёргивает. Мама точно так же говорила, что я запарюсь в своём пальто. Только мама могла бы ещё потрогать мой шарф: опять без шерсти, опять шея голая.

— Не надо меня раздевать. Ответьте на вопрос.

Она убирает руку. На ногтях молочный лак. Когда она помогала маме, тоже приходила с маникюром, только халата на ней я никогда не видела. Джинсы, толстовка, волосы в хвост. Я платила ей, спрашивала, что мама поела. Однажды оставила ещё денег на груши — мягкие, мама просила. Виктория

обещала купить. Я тогда так благодарна ей была.

— Мы здесь живём, — наконец говорит Виктория.

Мне становится жарко. Живут. Здесь не забыли куртку и не зашли проверить кран. Здесь встают по утрам, завтракают, стирают детские носки. Я смотрю на две чашки:

— Кто — мы?

Из дальней комнаты несётся топот. Мальчик в полосатой футболке проскакивает между нами, почти цепляет меня плечом и останавливается у холодильника. Волосы на макушке примяты после сна. Он тянет дверцу двумя руками.

— Мам, а сок где? — Он встаёт на цыпочки, заглядывает на верхнюю полку. — Этот красный я не буду.

— Не держи открытым, Тима. Сейчас налью, — Виктория бросает на меня быстрый взгляд. — Подожди минутку.

Ребёнок вытаскивает пакет и прижимает к животу. Ему года четыре. Холодильник пищит, мальчик толкает дверцу пяткой и достаёт из нижнего ящика свою кружку. На меня почти не смотрит.

Я пропускаю Викторию на кухню. Она разрезает уголок пакета ножницами из маминой кружки для ложек. Смотрю, как льёт, как вытирает каплю пальцем. Хочется выхватить эти ножницы. Мама держала их там всю жизнь. Я помню, куда она убирала каждую ложку. А вот кружку с нарисованной машиной вижу впервые.

— Вы сказали, что живёте здесь, — напоминаю я. — Кто вас пустил?

Виктория протягивает сыну сок и направляет его в комнату. Мальчик оглядывается на меня. Он прижимает кружку к груди и отступает к маме. Понижаю голос. Ребёнок-то откуда знает, почему я пришла и чего от них хочу.

— Иди к машинкам, — повторяет Виктория. — Осторожно, не пролей.

— Я ему ничего не сделаю, — говорю я, когда Виктория опять заслоняет сына. — Вы можете мне ответить?

Тима всё же уходит. Я отступаю от кухонного порога, чтобы видеть коридор. Из спальни не доносится ни звука. В кухне работает телевизор, на экране кто-то размешивает тесто. Такой громкий, что хочется убавить. Подоконник занят коробками с хлопьями и блендером. Мамину герань убрали.

— И где цветы? — вырывается у меня.

— Вера, давайте по одному вопросу. Я не понимаю, что вам уже известно.

Она уже раздражается. У неё тут обед, телевизор, ребёнок хочет сок, а я мешаю. В собственной квартире мешаю! Я перехватываю сумку поудобнее. Альбом никуда от меня не денется. Сначала пусть объяснит.

— Мне известно, что мама умерла семь месяцев назад, — говорю я. — Что эта квартира принадлежит мне. Что вы тут живёте, хотя я вас не пускала. Ещё что-нибудь мне следует знать?

Виктория краснеет. До самых ушей, под аккуратно собранными волосами.

— Нам разрешили, — отвечает она. — Всё было согласовано с семьёй. Антон должен был вам объяснить.

— С какой семьёй? С моей? — Я не успеваю сдержаться. — Я — её дочь! Единственная! Со мной вы согласовали?!

За стеной прекращается топот. Виктория прикладывает палец к губам. От этого жеста хочется заорать ещё сильнее: она меня в мамином доме к тишине призывает!

— Не кричите, пожалуйста, ребёнок пугается, — просит Виктория. Она подвигается так, чтобы встать между мной и комнатой. — Я же не с улицы сюда пришла. У меня были ключи. Я вашей маме помогала, вы знаете.

— Знаю! Я вам деньги переводила! — Я выхватываю телефон и тут же бросаю обратно в сумку: ещё не хватало выписку ей показывать. — Вам платили за помощь. Про жильё мы не договаривались!

— Вы сейчас разговариваете со мной так, словно я замки взломала! — Виктория отодвигается от двери: за её спиной мальчик снова пытается выглянуть в коридор.

— А как мне с вами разговаривать?! Я приезжаю за фотографиями мамы, а здесь…

Договорить не получается. Расстёгиваю пальто, стягиваю шарф. В кухне жарко, пахнет котлетами. Виктория отодвигает сушилку, подталкивает грузовик под обувницу — тут всё устроено под неё и сына. Я не знаю даже, куда поставить сумку, чтобы никому не помешать.

Антон говорил, что квартира в порядке. В прошлую среду

заезжал, проветрил, проверил батареи. Я спросила, не надо ли вымыть пол, нанять кого-нибудь. Он ответил, что незачем выбрасывать деньги. И я обрадовалась, что можно ещё неделю не ехать сюда, не открывать шкаф с маминими кофтами.

— Вы давно здесь? — спрашиваю я.

Виктория подбирает с пола упавший носок. Не отвечает. Я жду, пока она выпрямится.

— Неделю? Месяц? Антон когда собирался мне сказать?

— Давайте вы с ним сами поговорите, — отвечает она. — Он обещал всё объяснить. Я не знаю, что он вам говорит.

Теперь мне страшно звонить. Вдруг он действительно разрешил? Не спросил, не предупредил, поселил людей и каждую неделю рассказывал, как проветривает пустую квартиру. Я достаю телефон. Виктория сразу перестаёт возиться с сушилкой.

— Вы кому?

— Мужу. Он присматривает за квартирой. Пусть объяснит, кого сюда поселил, — отвечаю я, не поднимая головы от телефона.

— Подождите…

— Чего ждать?! — Я уже нахожу его имя. — Вы сами сказали, с ним поговорить!

Звонить не успеваю. В дальней комнате щёлкает ручка. Я поворачиваюсь, всё ещё держа телефон перед собой, и вижу Антона.

Он выходит из маминой спальни в домашних брюках и

серой футболке. Босиком. Потирает шею, на щеке след от подушки. Та самая футболка, которую я две недели ищу после стирки.

— Вера? — Он останавливается посреди коридора. Потом смотрит на Викторию, на моё расстёгнутое пальто и снова на меня. — А ты почему без звонка?

Глава 2. Он мой сын

— Ты тоже? — Я смотрю на его босые ноги. На знакомый шрам над щиколоткой. — Вы оба тут совсем обнаглели?! Я должна звонить, прежде чем прийти к маме?!

Антон кивает Виктории на кухню. Она не двигается. Тогда он подходит ко мне и берёт за локоть, сразу разворачивая к выходу.

— Пойдём. Поговорим на площадке.

Я вырываюсь и ударяюсь плечом о косяк. Шиплю от боли, но от мужа отступаю ещё дальше. Он меня за дверь выводит! Утром целовал на прощание, просил погладить ему рубашку, а сейчас выставляет, чтобы спокойно остаться с этой женщиной.

— Руки убери! — Я прижимаю сумку к боку. — Ещё раз тронешь — закричу на весь подъезд!

— Ты уже кричишь! — огрызается он. — Тут ребёнок, не видишь?

— Вижу. И тебя вижу. Объясни мне, что ты здесь делаешь!

Антон оглядывается через плечо. Из спальни показывается мальчик с кружкой. На футболке у него мокрое пятно, но он смотрит на Антона без всякого испуга. Ждёт, когда тот заметит. Виктория забирает у сына кружку и ведёт его обратно. На этот раз закрывает дверь.

Мальчик знает Антона. По тому, как смотрит, как тянется к нему из-за матери, это видно. Я сглатываю, но спросить пока не могу. Если сейчас услышу, что думаю, это уже никуда не денется.

— Оденься, — говорю я. — Ты… оденься хотя бы!

Антон одёргивает футболку, но одеваться не идёт. Виктория возвращается на кухню, убирает сок в холодильник. Я смотрю на них обоих и не могу понять, как они ещё способны вот так стоять. Почему я одна тут задыхаюсь, а они ждут, когда наконец начну разговаривать потише?

— Давно? — спрашиваю у мужа.

— Вер, давай без этого. Всё сложнее, чем ты сейчас…

— Давно ты с ней спишь?! — Я повышаю голос, перекрывая его. — Тебе этот вопрос тоже надо на площадке задать?

— Мы можем нормально поговорить? Без подробностей при всех! — Он подходит ко мне, опять загораживает выход.

— При всех?! Она у нас теперь посторонняя? — Я поворачиваюсь к Виктории. — Выйдите тогда. Мне надо с мужем поговорить.

Нарочно прошу. Пусть хоть на минуту почувствует, что здесь есть ещё и я. Виктория захлопывает холодильник.

— Я никуда не пойду, — отвечает она. — Это и меня касается. Антон, хватит. Ты всё время говоришь: потом, потом… Вот она здесь. Скажи уже.

— Вика, не начинай! — Он даже не смотрит в её сторону. Говорит привычно, как со мной на кухне, когда я напоминаю

о чём-то неприятном. От этого сходства меня мутит.

Я отодвигаю табурет и сажусь. Под ладонью липко от сока, на столе новая клеёнка с лимонами. Мамина была белая. Не смотреть на неё, не думать сейчас про маму. Сначала спросить.

— Мальчик чей?

Антон прикрывает кухонную дверь. Я тут же встаю. Он отходит, но я остаюсь у стола и повторяю вопрос. Пусть скажет сам.

— Мой, — отвечает муж. — Тимофей — мой сын.

Я хватаю со стола его чашку и швыряю в раковину. Чашка ударяется о металл, не разбивается, только кофе выплёскивается на белую плитку.

— Скотина! — Я сама не узнаю своего голоса. — Господи, какая же ты скотина!

— Не надо посудой кидаться! — Антон хватает меня за запястье.

— Пусти! Ты в маминой квартире с ней… — Я дёргаюсь, он отпускает. — Ты к моей маме её привёл! Пока она болела! Мне смотреть, как ты это всё устраивал, и ещё говорить потише?!

Виктория протискивается между нами, оттесняет Антона.

— Сам виноват! — бросает ему. — Говорила тебе, что так нельзя!

— Ты бы помолчала! — рявкает он.

— Не затыкай меня! — Виктория дёргает его за рукав. —

Это ты обещал всё решить!

Он стряхивает её руку. Я смотрю на них и вдруг хочу засмеяться. Ещё и я виновата, что нарушила им все планы. Приехала в неудобное время. В собственную квартиру!

— Сколько ему? — Я смотрю на закрытую дверь. — Четыре?

— Четыре. А вместе мы пять лет, — опережает его Виктория. — Скажи ей, Антон. Не надо теперь делать вид, что случайно получилось.

— Я ничего такого не говорю! — Антон поворачивается к ней всем корпусом, отгораживая меня плечом.

— Ты вообще ничего не говоришь, — перебиваю я. — Пять лет. Полине семь было. Она в первый класс пошла.

У меня подкашиваются ноги, и я держусь за спинку табурета. Пять лет. Мы на море были, когда Полина пошла во второй класс. Я снимала, как он нёс её на плечах, а она закрывала ему глаза. Счастливые до невозможности. Он тогда уже больше года к Виктории ходил.

— У нас давно всё было… — начинает Антон.

— Даже не пробуй! — перебиваю я. — Слышишь? Не пробуй мне сейчас объяснить, какая я плохая жена!

— Я этого не сказал! Ты всё сама додумываешь! Я домой деньги приносил? С дочерью занимался? Или ты одна всё тащила?

— Деньги приносил? — переспрашиваю я. — И за это тебе можно? Пять лет врать мне, дочери?

Антон отводит глаза к окну. Я хочу, чтобы посмотрел на меня. Хоть сейчас не прятался!

— На Полинкин концерт ты не приехал, — говорю я. — На её первый сольный. Сказал, объект сдаёте до ночи. Ты тут был?

— Я не помню, когда это было.

Он отвечает слишком быстро. Я помню: синяя юбка на резинке, белые колготки, заплетённые мокрыми руками косы. В телефоне у меня лежало его сообщение: «Начинайте без меня». А дочь всё надеялась, что успеет.

— Она из-за кулисы выглядывала, — говорю я. — Думала, ты всё-таки приедешь. Я ей рукой махала, а она за мной пустое место искала. Ты понимаешь вообще, о чём я?!

— Вера, это мой ребёнок. Я от него не откажусь, — заявляет Антон. — Ты можешь сколько угодно на меня злиться. Я всегда сына хотел. У меня наконец…

Он обрывает себя. А у меня от его довольного «наконец» так вспыхивает злость, что я подхожу вплотную.

— Наконец что?! Нормальный ребёнок? Дочь не подошла?!

— Не переворачивай! Полину я люблю! — Он нависает надо мной, но я не отступаю.

— А мне ты говорил: хватит нам одного! — Я тычу пальцем ему в грудь. — Помнишь? «Зачем с пелёнками по новой начинать?» Это ты мне говорил!

— Я тогда другое имел в виду, — огрызается он. — Мы

и так…

— Что другое?! Со мной больше не хотел? Так и скажи!

Антон смотрит на Викторию. Мне этого хватает. Так мерзко, что хочется отойти от них обоих. Я возвращаюсь к столу, опираюсь на край. Полина просила брата, я с мужем говорила. Он отмахнулся, я больше не стала. А сын у него уже был.

Он подходит, пытается положить руку мне на плечо. Я шарахаюсь. На щеке у него всё ещё полоса от подушки. Спал здесь после обеда. Пока я отпрашивалась с работы, чтобы забрать мамины фотографии.

— Ты собирался мне сказать? — спрашиваю я. — Когда-нибудь? Или ждал, пока я сама наткнусь?

— Я не хотел разрушать семью.

У Виктории вырывается короткое «ага». Он оборачивается на неё, и она уже не прячет злости.

— Что «ага»? — требует он. — Ты-то чего начинаешь? Есть Тима, есть Полина! Назад ничего не вернёшь!

— Тебя никто от сына не заставляет отказываться, — говорю я. — Я спросила, собирался ли ты сказать мне. Жене. Ты собирался?

Он замолкает. Виктория смотрит в окно, но по тому, как застыла, я понимаю: тоже ждёт ответа. Антон так его и не даёт.

Я подбираю сумку. Хочу уйти, но у двери останавливаюсь. За стеклом в кухонной двери видно край маминого ковра.

Здесь её вещи, её альбом. Не могу оставить всё им и опять месяцами собираться с духом.

— Сколько вы тут? — спрашиваю я. — Неделю? Месяц?

Антон смотрит на Викторию. Она складывает руки на груди и больше не пытается вмешаться. Теперь и я смотрю на неё. Сколько же времени они тут встречаются?

— Восемь месяцев, — отвечает муж. — Переехали, когда твою маму положили в стационар.

Глава 3. Где мамина кровать?

— Пока она была жива? — переспрашиваю я. — Ты поселил их здесь, пока мама лежала в больнице?!

Антон пытается что-то сказать. Я отталкиваю его от двери — ладонями в грудь, так сильно, что сама пугаюсь. Он удерживается за косяк.

— Ты меня туда возил! — кричу я ему в лицо. — Забирал вечером, спрашивал, как она! А потом сюда приезжал? Сюда?!

— Вера, хватит! Я тебе сказал, когда они переехали. Не надо из этого…

— Не надо?! — Я не даю ему договорить. — Я тебе в машине плакала, что мама домой уже не вернётся! Ты сидел рядом! Ты мне ещё говорил: «Ничего, справимся»!

Сама не замечаю, как вцепляюсь в его футболку. Он пытается разжать мои пальцы, и я отдёргиваю руку. Хочется ударить. Никогда не думала, что смогу захотеть его ударить.

— Ты всё сейчас выворачиваешь, — цедит Антон. — Я что, перестал помогать? Твою маму кто по больницам возил?

— Замолчи! Даже не смей этим… — Я не договариваю. Меня так трясёт, что приходится упереться в кухонный стол. — Лучше вообще молчи.

На плите закипает кастрюля. Виктория отворачивается к ней, крутит ручку. А я ухожу из кухни. Не могу больше слу-

шать, как он перечисляет, что сделал для мамы, будто теперь ему за это всё позволено.

Я распахиваю дверь спальни. Тима сидит на ковре с машинкой, уже в сухой футболке. Резко поднимает голову. За ним — маленькая кровать с бортиком, шкаф с наклейками, пластиковые ящики. На стене нарисованы горы. Мама не позволяла даже картину перевесить: на обоях след останется. От её обоев теперь ничего нет.

— Где кровать? — спрашиваю я.

Антон останавливается за спиной. Не дождавшись ответа, я поворачиваюсь к нему. На месте маминой кровати — пластмассовая корзина с мячами. Когда её увозили, я, наверное, опять спрашивала, что нужно принести в больницу.

— Где мамина кровать, Антон?

— Убрали, — отвечает Виктория из коридора. — Она всю комнату занимала. Ребёнку же нужно место.

Тима прижимает машинку к коленям. Я опускаю голос, хотя от этого приходится почти давиться словами:

— Куда убрали?

— На склад, — вмешивается Антон. — Она разборная. Ничего с ней не сделалось.

Отступаю к окну, чтобы не заслонять мальчику выход. Под подоконником новый письменный столик, на нём карандаши в жёлтом ведёрке. Здесь мама держала коробку с нитками. Я перевожу взгляд на угол у двери. Пусто. Швейной машинки тоже нет.

Мама на ней Полинке первое платье для утренника сшила. Ночью дошивала, потому что внучка срочно передумала быть снежинкой и захотела лисой. Я помню рыжий ворс по всему полу. Машинку тогда уже надо было чинить, но мама никого к ней не подпускала.

— Машинку тоже на склад? — спрашиваю я. — С тумбой?

— Всё вместе отвезли, — отвечает он. — В мебельный отсек, не переживай.

— Адрес, Антон! — Я уже достаю телефон. — Где именно?

Он называет Промышленную. Склад его фирмы. Я там однажды была: высокий порог, пыльные мешки, мокрая полоса по стене.

— Там сыро! Ты туда мамину машинку отвёз?!

— В сухой отсек! — огрызается он. — Завернули всё, упаковали. Не под дождём же оставили!

Виктория приседает рядом с сыном, шепчет ему что-то. Тима идёт мимо меня в гостиную, прижимая к боку две машинки. Я снимаю пальто, вешаю на спинку детского стула. Ушибленное плечо ноет, перехватываю сумку другой рукой.

— Ты зачем снимаешь? — Антон заслоняет шкаф. — Я же сказал, всё целое.

— Отойди, — прошу я. Он не двигается, и я поднимаю голос: — Отойди от шкафа!

Он нехотя уступает. Снимаю комнату, потом записываю:

кровать, тумбочки, машинка с тумбой. Кресло тоже убрали. Дописываю и его. Мне нужен список. Иначе опять окажется, что я чего-то не так поняла и он ничего не трогал.

— Вера, здесь невозможно было жить среди всей этой мебели, — говорит Виктория. — Я восемь месяцев держу в прихожей буфет, мы об него бьёмся каждый день. Вы же сами сюда не приезжали.

Я опускаю телефон.

— Поэтому можно выбросить? — Я поворачиваюсь к ней. — Раз я не приезжала, можно брать что хочется?

— Никто не выбрасывал! Мы обустраивали жильё. Антон сказал…

Антон бросает на неё предупреждающий взгляд. Виктория его замечает и всё равно продолжает:

— Он сказал, что мы с Тимой здесь останемся. Что потом квартира будет наша. Я бы не стала ничего покупать и вкладываться, если бы это было на месяц!

Я медленно убираю телефон от лица.

— Ты ей мою квартиру пообещал?

— Я сказал, что решим с жильём! — Антон повышает голос. — Не надо мне приписывать!

— Ты говорил «оформим»! — бросает Виктория. — Или теперь я тоже всё придумала?

— Вика, хватит! — рявкает Антон.

Она замолкает. А я смотрю на мужа и не могу справиться с новой, совершенно дикой мыслью: он уже обещал кому-то

то, что осталось мне от мамы. Так и сказал ей: оформим. А я даже не знала, что они здесь живут.

— Продолжайте, — прошу я. — Что ещё он вам обещал?

Виктория отворачивается. Больше от неё ничего не добьюсь. Я записываю в заметки: «Обещал оформить». Не хочу потом сомневаться, действительно ли она это сказала.

В гостиной Тима устраивает машинкам гараж под журнальным столом. На новом диване лежит мамин вязаный плед. Я трогаю знакомые крупные петли. Вещь одна из немногих осталась на виду, и даже это почему-то больно: на нём спят, им укрываются, будто мамы здесь никогда и не было.

— Ничего больше не вывозить, — говорю я. — Ни одной коробки. Ни одной вещи. Я всё заберу сама.

Антон отодвигает стул, чтобы пройти за мной.

— Да забирай, кто тебе мешает? Только организуй нормально, не надо мебель по всему подъезду…

— Ты мне ещё условия поставишь?! — Я почти бросаюсь к нему. — Мне тут каждую ложку у тебя спрашивать? Всё, Антон. Хватит!

Он замолкает. Снимаю гостиную, отмечаю новый диван. К шкафу пока не подхожу. Если и альбом увезли, не знаю, как удержусь от новой ссоры. Надо умыться, хотя бы лицо привести в порядок.

Иду в ванную, закрываю за собой дверь. Здесь пахнет свежим герметиком и детским шампунем. Маминой ванны нет,

вместо неё душевой уголок с матовыми дверцами. Я открываю холодную воду и долго держу ладони под струёй. На стене маленькое зеркало с подсветкой; в нём у меня воспалённые глаза и мокрый ворот блузки.

У порога задирается край напольного покрытия. Я цепляю его подошвой, чуть не спотыкаюсь. Отхожу и фотографирую. Виктория стучит, я открываю. Она смотрит вниз, на покрытие, потом на мой телефон.

— Это давно? — спрашиваю я, указывая вниз.

— Не знаю. Антон мастера обещал прислать, — отвечает она. — После ремонта. Всё собирается.

— Вы ему напомните, — говорю я. — Пока хуже не стало.

Виктория пожимает плечами. Я вытираю лицо бумажным полотенцем и выхожу. В прихожей приходится снова обходить сушилку. Восемь месяцев они так ходят. Восемь месяцев считают это своим домом.

— Вам же мама ключи оставила, чтобы вы помогали, — говорю я Виктории. — Она вам доверяла. Как вы могли сюда со всем этим…

— Она сама разрешила нам жить! — перебивает та. — Вы думаете, я совсем без головы? Просто приехала с ребёнком и заняла чужое жильё?

Она быстро открывает что-то на телефоне и протягивает его мне. На экране мама сидит в своём кресле, укрытая пледом. Очень худая, в белой кофте. У неё на коленях Тима, совсем маленький, с круглой наклейкой на щеке. Мама сме-

ётся и придерживает его за живот.

— Вот, — говорит Виктория. — Посмотрите. Ваша мама нас сюда пустила.

Глава 4. Подпись моей мамы

Я приближаю мамино лицо на фотографии. Виктория тут же тянет телефон к себе, но я не отпускаю. Мама смеётся. При мне в последние месяцы ей всё было неудобно: подушка низко, рубашка тянет, сесть больно. Я уже почти забыла, как она может смеяться.

— Осторожнее, — предупреждает Виктория. — Я вам просто показываю.

Я отдаю телефон. Противно, что пришлось держать его силой, что сейчас выгляжу перед ними совсем жалкой. А они-то могли разглядывать мамин снимок сколько угодно. Могли даже вместе смеяться, вспоминая, как его делали.

— Мама пустила вас пожить? — спрашиваю я. — Тогда где бумага? Или мне опять поверить ему на слово?

— Есть бумага, — отзывается Виктория. — Я сейчас принесу. Только без крика, пожалуйста.

— Вика, подожди, — начинает Антон, но она уже проходит в гостиную. Я иду следом, не позволяя ему остановить меня в коридоре.

Виктория достаёт из нижнего ящика папку. Антон остаётся у двери, я подхожу к столу. Тима выбирается из-под журнального столика и просит включить мультфильм. Мать суёт ему пульт, показывает нужную кнопку.

Документ в прозрачном файле. Заголовок короткий, без

слова «аренда»: «Договор безвозмездного пользования жилым помещением». Я читаю вслух фамилию мамы и замолкаю. Виктория придвигает второй стул.

— Можете сесть. Там несколько страниц.

Сажусь, потому что стоя не получается сосредоточиться. Она вынимает листы из файла, прижимает ладонью угол, когда я тянусь к последнему. Я смотрю на неё, потом на её руку.

— Я не порву.

Она убирает ладонь. На последней странице мамина подпись. Большая «Г» и тесные буквы за ней. Последняя уходит вниз, как всегда. Я эту подпись ещё в школе подделывать пыталась, когда двойку получила. Мама тогда сразу заметила, отругала. Господи, лучше бы и здесь поддельная была.

— Это восемь месяцев назад, — говорю я. — Перед больницей.

Антон подвигается ближе к столу.

— Да. Всё делалось нормально. Ты же видишь.

— Я вижу подпись! — Меня перехватывает от ярости. — Ты мог мне сказать! Ты каждый день со мной разговаривал, каждый чёртов день! Что ждал?!

— Ты не хотела ничего слышать про квартиру!

Я вскакиваю, опрокинув стул на стену. Тима оборачивается, Виктория сразу идёт к нему. Не могу на них смотреть. Передо мной Антон, который ещё утром завтракал со мной и знал, что здесь лежит эта бумага.

— Не смей! Я просила её проветривать! Оплатить счета!

Ты сам предложил! — Я тычу пальцем в бумаги. — Я хоть раз сказала, чтобы ты сюда женщину привёл? Хоть раз?!

— Я не привёл. Мама твоя подписала. С ней и было решено.

— Не прячься за неё! — Я сдвигаю договор к нему. — Она умерла! Ты теперь можешь всё что угодно говорить: мама знала, мама разрешила! А мне у кого спросить?!

Он отталкивает листы обратно.

— Спрашивать не надо. Написано всё. Читай.

Я так злюсь, что не сразу могу разглядеть строчки. Хочу бросить ему в лицо эту бумагу. И всё-таки поднимаю стул, сажусь. Порву — он ещё и это использует против меня.

— Вера, подпись вы же узнали? — спрашивает Виктория с дивана. — Нам тоже надо где-то жить.

— Вам обещал жильё Антон. С него и спрашивайте.

Тима прижимается к ней, не отрываясь от мультфильма. Виктория начинает гладить его по спине. Я отворачиваюсь к столу. У неё ребёнок, ей надо где-то жить. А у меня дочь есть. О ней они вообще вспомнили, когда всё это устраивали?

Нахожу срок: восемнадцать месяцев. Они прожили восемь. Ещё десять — почти год. Достаю очки, чтобы дочитать мелкий шрифт под сроком.

— Полтора года? — спрашиваю я Викторию. — Вы на полтора года договорились?

— На тот срок, который здесь стоит, — отвечает она. — Я ничего не дописывала.

Я переворачиваю страницу. Если Галина Павловна возвращается из стационара, квартиру должны освободить досрочно. Мама всё же надеялась вернуться. Пока мы слушали врачей и боялись на неё посмотреть, она оставила себе этот пункт.

Я закрываю глаза. Мама, ну почему ты мне не сказала? Я приходила к тебе, садилась рядом. Я ведь всё время была рядом. Почему о квартире с тобой говорил он?

— Тут написано про её возвращение, — говорю я. — Она знала, что вы станете всё переделывать?

— Здесь сантехнику давно менять надо было, — отвечает Антон. — Мы заодно сделали.

— Кровать тоже из-за сантехники вывезли? — Я смотрю прямо на него. — Ты оставил ей право вернуться, а сам первым делом от её вещей избавился?

— Никто не избавлялся! На складе всё! Сколько повторять?

— Столько, сколько спрошу! — срываюсь я. — Маму сюда никто не ждал, да? Место мешала бы занимать?

Антон бледнеет от злости. Говорит, чтобы я не переходила черту. Мне самой страшно от того, что сказала, но забрать слова уже не могу. Смотрю на детскую кровать через открытую дверь и никак не нахожу другого объяснения.

— Мне нужна копия. Всего договора, — говорю я Виктории. — Сейчас сфотографирую, потом пришлёте скан.

Виктория кивает. Пока я фотографирую страницы, она

уже смотрит мультфильм вместе с сыном. Проверяю, чтобы на снимках были видны подписи и края листов.

Антон садится напротив.

— Дочитала? — спрашивает он. — Теперь поняла?

Смотрю на него поверх телефона. Ему достаточно подписи. Можно даже не извиняться: я прочла, значит, должна перестать возмущаться.

— Я обращусь к специалисту, — предупреждаю его. — У тебя больше ничего спрашивать не буду.

— И что ты ему скажешь? — Антон усмехается, и меня опять обдаёт злостью. — Мать сама дала людям пожить. Как ты это оспоришь?

Я не отвечаю. Возвращаю листы Виктории, жду, пока она уберёт их в папку. Потом открываю дверцу маминого шкафа. На нижней полке сложены детские пижамы, выше несколько старых книг. Альбом между словарём и коробкой с ёлочными игрушками. Я узнаю зелёный корешок и вытаскиваю альбом, прижав к боку сумку. Нашёлся. Хоть его не увезли.

— Вот это заберу, — говорю я.

Виктория только отодвигается, освобождая проход. Антон смотрит на альбом.

— Там ещё коробки с фотографиями на складе. Потом привезу.

— Пришли список того, что вывез. И ничего не трогай, пока я не скажу, — требую я. Поверить его очередному «потом» больше не могу.

В прихожей я кладу альбом на буфет и надеваю пальто. Крышка буфета вся в светлых кругах от чашек, на ручке висит пакет с детскими шапками. Снимаю его, ставлю на обувницу. Пусть свои шапки кладут куда-нибудь ещё.

Антон выходит проводить. Берётся за мою сумку, я перехватываю лямку раньше него. В коридор выбегает Тима с пультом, просит отца помочь. Антон говорит, что сейчас придёт. Я прижимаю альбом к груди и поворачиваю замок.

— Не трать деньги, Вера, — говорит муж у меня за спиной. — Договор после её смерти никуда не делся. Теперь он и для тебя действует. Только заплатишь юристам, а они тебе то же самое скажут.

Я оборачиваюсь. Он стоит босиком на мамином коврике, уверенный, что уже всё мне объяснил.

— Мама сама так решила, — добавляет Антон. — Тебе придётся с этим жить.

Глава 5. Папа всё это время врал?

Я закрываю дверь раньше, чем Антон успевает сказать ещё что-нибудь про маму. На площадке холодно, но застегнуть пальто не получается: пуговица выскальзывает. Прижимаю к себе альбом и иду вниз. Антон следом не выходит.

В автобусе ставлю альбом на колени, прикрываю сумкой. Люди садятся, выходят, толкают меня пакетами. Через остановку звонит Полина. Я долго смотрю на её имя. Не представляю, как скажу ей про отца.

— Мам, ты скоро? — спрашивает она. — Ты сейчас где?

— Еду. Минут двадцать. Ты поела?

— А с папой ты сегодня разговаривать будешь? — Она не отвечает, поела ли. В трубке тихо, даже наш телевизор не слышен.

— А что случилось, Полин?

— Он звонил. Ты домой приедешь, да? — Голос у неё становится тоньше, почти срывается на последнем слове.

— Конечно, приеду. Я уже еду, Полин. Подожди меня дома.

Она отвечает «ладно» и отключается. Я убираю телефон. Что же он ей сказал? Хочу позвонить мужу, но боюсь не выдержать и начать кричать прямо в автобусе.

Дома Полина сидит на полу в прихожей. В школьной юбке, в одном носке. Второй скомкан рядом с кроссовками.

Услышав ключ, она вскакивает, но обнимать меня не идёт.

— Что тебе сказал папа? — спрашиваю я сразу.

— Что ты знаешь. — Она смотрит на альбом. — Ты у бабушки была?

Я ставлю альбом на комод. С пальто приходится повозиться, рукав цепляется за подкладку. Полина не помогает — отходит в кухню. Я бросаю пальто на банкетку и иду за ней.

— Была. Фотографии привезла. А что именно я знаю?

На плите остыли макароны. У тарелки надкусанный огурец — она почти не ела. Я собираюсь обнять дочь, но она отворачивается, прячет мокрую щёку.

— Что у меня брат, — произносит она. — Папа сказал, у меня теперь есть брат. Только… он ведь не теперь родился? Ему четыре.

Я сажусь. Сначала, значит, объяснил дочери. Что всё в порядке, мама просто сердится. Мне ни слова, Полине — готовую историю. Да чтоб он подавился своими объяснениями! Дочь ждёт, а я не сразу могу выговорить:

— Да. Ему четыре года. Его зовут Тимофей.

— Папа сказал Тима. — Полина придвигается ближе, и я вижу, как она старается удержаться от слёз. — Папа давно про него знает?

— С рождения, Полин.

Дочь садится напротив, подтягивает под себя ногу. Я всё-таки протягиваю к ней руку. Она даёт погладить себя по волосам, но на меня не смотрит.

— Значит, он всё время знал? — Она утыкается носом в рукав, прячет рот. — А мне не говорил? И тебе?

— Мне тоже не говорил.

— Он сказал, ты расстроилась. Я думала, ты из-за того, что брат… — Полина торопится объяснить, не даёт мне вставить слово. — Мам, только не ругайся! Я вообще не поняла! Он сказал, ничего не поменяется!

Я протягиваю ей салфетку, но Полина не берёт. Смотрит на меня испуганно, уже готовая оправдываться за чужие слова.

— Я с тобой не ругаюсь, — говорю я. — Я злюсь на папу. Очень. Ты здесь ни при чём.

— А почему он не сказал? Я бы… я бы хотела! Я же просила вас! Помнишь? Я даже коляску выбирала, ты смеялась!

Помню. Ей было восемь, она уговаривала меня купить коляску, чтобы потом уж точно пришлось кого-нибудь родить. Мы с Антоном тогда только смеялись. Он уже знал, где у его сына стоит настоящая коляска. Мне приходится сглотнуть, прежде чем ответить.

— Помню, — отвечаю я. — Только у Тимы другая мама.

— Ну и что? — Полина тут же пугается собственной резкости. — То есть… я понимаю. А ты эту тётю знаешь?

— Виктория. Она бабушке помогала, — отвечаю я. — Ты её видела.

— Та, с пирогом? — Полина поднимает голову. — Которая к бабушке приходила? Мам, вы её вместе с папой… вы

знали?

— Я знала, что она работает у бабушки. Про остальное — нет. Сегодня узнала.

Дочь смотрит на меня с таким испугом, что я невольно тяну её к себе. Она пока не идёт, только спрашивает дальше.

— И Тима у бабушки живёт? — спрашивает Полина.

— В её квартире. С мамой.

— А папа? — Полина спрашивает едва слышно. До этого она смотрела мне прямо в лицо, теперь опускает глаза.

Я медлю. Полина вскакивает, стул царапает пол.

— Мам, он там?! — спрашивает она. — Папа там с ними?

— Папа сегодня там. Я встретила его, когда приехала за альбомом.

Дочь опускается на стул, закрывает лицо рукавом блузки. Плачет уже не прячась. Я пересаживаюсь к ней, обнимаю. Она сначала напрягается, потом вцепляется в меня, прижимается лбом к плечу.

— Он к нам не придёт? — спрашивает сквозь ткань. — Теперь будет с ними?

— Сегодня не придёт. — Я глажу её по спине. — Полин, ты можешь ему позвонить. Если хочешь, прямо сейчас.

— А ты его простишь? — Она поднимает мокрое лицо. — Если он извинится? Он сказал, ты его даже слушать не стала.

— Это он сказал? — спрашиваю я слишком резко. — Что я слушать не стала?

Полина отодвигается. Я всё ещё держу её, но уже чув-

ствую, что она хочет встать. Отпускаю.

— Он попросил, чтобы я с тобой поговорила, — признаётся она. — Я не должна была говорить?

У меня от злости начинает ломить виски. Вот для чего позвонил. Дочь мне прислал, чтобы помогла уговорить.

— Правильно, что рассказала, — отвечаю я. — Только простить я сейчас не могу. Не получается у меня.

Полина смотрит на меня, потом опускает голову. Больше не просит за него. А мне хочется орать так, чтобы Антон услышал без всякого телефона. Я достаю телефон под столом, пишу ему: «Больше не объясняй Полине за меня, что я чувствую и что собираюсь делать».

Он почти сразу отвечает: «Она моя дочь. Я обязан был сказать сам».

Я выключаю звук. Дочь смотрит на телефон, спрашивает, не папа ли. Говорю правду. Она протягивает ладонь, хочет прочитать. Я убираю аппарат в карман.

— Там наша с ним ссора. Тебе не надо её читать.

— Ты сама говоришь, не надо скрывать, — возражает Полина. — А теперь опять…

— Я не буду давать тебе нашу переписку! — вырывается у меня.

Она вздрагивает. Я тут же отворачиваюсь к плите, потому что сдержать слёзы уже не могу. Чёрт. Вот и я кричу на неё. Он позвонил, рассказал, что у неё есть брат, а я пришла домой и запретила смотреть телефон.

— Прости, — говорю я. — Я не должна была на тебя кричать. Папа написал, что хотел сам рассказать про Тиму. Всё. Там больше нет ничего про тебя.

Полина долго молчит, мнёт мокрый рукав. Потом спрашивает:

— А Тима какой? На папу похож?

— Я не успела рассмотреть, — отвечаю я. — Он с машинками играл. Светленький.

Она кивает, будто примеряет это к знакомому лицу. Потом осторожно спрашивает, разговаривает ли он уже нормально. Я вспоминаю его недовольство соком и невольно улыбаюсь.

— Разговаривает. Очень хорошо знает, какой сок хочет, а какой не будет.

Дочь тоже улыбается и сразу виновато смотрит на меня. Я отворачиваюсь к чайнику, даю ей время. Запретить радоваться брату не могу. Слушать об этом пока тоже очень трудно.

Позже мы едим разогретые макароны. Я приношу альбом в комнату дочери, предлагаю выбрать снимки. Она просит оставить до завтра и ложится, не переодевшись, поверх покрывала. Сажусь рядом, пока она сама не говорит, что хочет побыть одна.

Когда дочь уходит в душ, достаю ноутбук. Кредитная папка в нашем шкафу рядом с коробкой маминых вещей. В коробке её телефон, очки, маленькая записная книжка с рецеп-

тами. До них я сегодня не дотрагиваюсь.

Открываю банковское приложение. Раньше проверяла только свою часть платежа: двадцать шесть тысяч. Антон вносил остальные пятьдесят две. Последние два месяца жаловался на заказчиков, просил не покупать лишнего. Я отложила новые сапоги Полине, решила, до холодов походит в старых.

В истории первого месяца вижу сорок шесть тысяч вместо семидесяти восьми. Во втором — сорок четыре. Я открываю выписку заново. Мои переводы на месте. Его части не хватает.

Строка «Просроченная задолженность» ведёт на отдельный экран. Там — шестьдесят шесть тысяч рублей и начисления за просрочку. В договоре под словом «созаёмщик» стоит моя подпись.

Глава 6. Ты ещё и без денег нас оставишь?

Я перепроверяю выписку, прежде чем звонить. Очень хочется найти перевод, который не отобразился, другой счёт, ошибку банка. Ничего не нахожу. В ванной шумит вода, Полина напевает что-то за закрытой дверью. Значит, у меня ещё несколько минут.

Антон отвечает не сразу. На заднем плане звякает ложка о стакан.

— Ты платёж видел? — спрашиваю я. — Шестьдесят шесть тысяч долга. Это что такое?

— Я же говорил, заказчики задерживают оплату. Не сегодня началось. Ты меня вообще слушаешь?

Я придвигаю ноутбук, чтобы видеть выписку. От яркого экрана режет глаза, уменьшаю подсветку. Его имя в строке последнего перевода — восемнадцать тысяч вместо пятидесяти двух.

— Я слышала про задержки. Про задолженность по кредиту ты не говорил.

— Ну и откуда мне взять? Нарисовать? — Антон даже не пытается понизить голос, хотя рядом с ним кто-то ходит. — У меня люди зарплату ждут, материалы закуплены.

— Зато на твою вторую семью деньги есть!

Он замолкает. На заднем плане слышна Виктория, потом Антон отзывается ей:

— Подожди! Я разговариваю!

Меня опять подбрасывает. Я здесь долг считаю, а он со мной между делом разговаривает.

— Не начинай по второму кругу, — отвечает Антон. — Я и так день с тобой провоевал. Ты сейчас дашь успокоиться или нет?

— Ты нас ещё и без денег оставишь?! — кричу я. — Мне из чего за квартиру платить? Из того, что осталось после твоей второй семьи?!

— Квартира общая. Плати тоже! Ты работаешь!

— Я плачу! — Я тычу пальцем в экран, забыв, что он не видит. — Мои переводы передо мной! Где твои?!

В ванной прекращается пение. Я закрываю кухонную дверь и заставляю себя говорить тише. Полина только успокоилась. Не хочу, чтобы опять плакала из-за нас.

— Сколько ты внёс в этом месяце? — спрашиваю я. — Сам назови. Я хочу услышать.

— Ты же открыла выписку. Чего спрашивать-то?

— А мне говорил, что всё под контролем, — напоминаю я. — Я спрашивала про кредит. Помнишь? Ты сказал, не дёргайся.

— Потому что деньги придут! — взрывается он. — Ты понимаешь, что не всё от меня зависит?

Я слышала это два месяца. Теперь вряд ли смогу поверить

хоть одной дате, которую он назовёт.

— Завтра свяжусь с банком, — говорю я. — И буду разбираться сама.

— Разбирайся. Только не делай вид, что я вас бросил. Успокоишься, оставишь Вику с ребёнком в покое — вернёмся к нормальным платежам. А пока у меня голова другим занята.

Я замираю у стола. Значит, деньги всё-таки найдутся. Когда я перестану требовать своё.

— Повтори.

— Вера, не цепляйся к словам, — отвечает он уже тише. Я слышу, как закрывается дверь: теперь ему зачем-то понадобилось остаться одному.

— То есть будешь платить, если я её не трону?! — Я уже опять кричу. — Скажи прямо! Мне молчать про любовницу, чтобы ты за квартиру платил?!

— Я сказал, перестань со всеми воевать! Ты хоть представляешь, сколько сейчас проблем из-за…

Я отключаюсь. Он перезванивает, и я отклоняю вызов. Потом ещё один. Полина стучит в дверь, просит пустить за водой. Я открываю. Она уже в пижаме, волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу. Смотрит на меня, на договор, на ноутбук.

— Папа не заплатил? — спрашивает она. — Мы что, переезжать будем?

— Сейчас никуда не переезжаем. Я завтра всё выясню.

Воду в фильтре поменяла, наливай.

Она наливает воду, пьёт маленькими глотками. Я закрываю договор. Полина уже повернулась к двери, но оглядывается:

— Ты свет оставишь? В коридоре.

— Оставлю, — обещаю я.

Иду за ней, поправляю одеяло, хотя она не просила. Полина не возражает. Жду, пока допьёт воду, сажусь рядом. К ноутбуку возвращаюсь, только когда она засыпает.

Утром я звоню в банк из тихой комнаты для переговоров на работе. За стеклом коллега раскладывает каталоги, машет мне: пришли новые образцы. Я показываю, что задержусь. На столе передо мной паспорт, договор и листок с выписанными вопросами. Без листка забуду половину.

Сотрудница банка проверяет мои данные, подтверждает сумму. Я смотрю на лист с вопросами и всё равно начинаю не с того, что записала.

— Если муж больше не внесёт свою часть, с меня всё потребуют? Я свои двадцать шесть каждый месяц переводила.

— По вашему договору обязательство общее, — отвечает она. — Разделение расходов между вами не меняет размер платежа по кредиту. Вы оба созаёмщики.

Я знала, что подписывала. Просто надеялась, что мои переводы хоть что-нибудь значат для банка отдельно от его обещаний.

— Понятно, — говорю я. — Мне нужен расчёт, сколько

внести сейчас. Полностью закрыть просрочку. И чтобы уведомления приходили мне.

Она помогает найти настройки. Я открываю нужный экран, проверяю номер. Потом всё же спрашиваю, могут ли у нас сейчас отобрать квартиру. Голос предательски садится на последнем слове.

— Само наличие этой просрочки не означает немедленного выселения, — отвечает сотрудница. — Но откладывать решение не стоит. Если понимаете, что полный платёж дальше не потянете, обратитесь в банк для обсуждения возможных вариантов.

Я записываю, прошу повторить, где сохранить расчёт. Уже не стесняюсь, что спрашиваю дважды. Мне вечером платить, ошибиться нельзя. Антон присылает сообщение «Деньги будут». Я пересылаю ему полученные цифры и прошу конкретную дату. Он читает и ничего не отвечает.

После обеда открываю отдельный счёт. Перевожу туда остаток зарплаты, меняю доступ к своему приложению. В бухгалтерию пишу заявление с новыми реквизитами. Ещё раз проверяю номер счёта перед отправкой. Раньше с такими вещами шла к Антону. Сегодня даже мысли не возникает у него спросить.

Вечером Полина делает уроки рядом, а я считаю. Зарплата — восемьдесят шесть. Полный платёж — семьдесят восемь. Остаётся восемь тысяч. Я обвожу остаток и на секунду успокаиваюсь: хотя бы кредит потяну. Потом смотрю на

Полинину тарелку. Восемь тысяч на всё остальное? На нас двоих?

— Мам? — Полина поднимает голову от задачи.

— Считаю не то, — отвечаю я. — Давай ты задачу, а я своё.

Она опять склоняется над тетрадью. Я перечёркиваю итог. Добавляю продукты, проезд, связь, школьные расходы. На жизнь нам с дочерью нужно ещё тысяч сорок восемь. Из трёхсот двадцати тысяч накоплений сначала придётся закрыть нынешнюю дыру. Потом каждый месяц будет не хватать ещё около сорока. И это без новых сапог, без внезапного зубного, без расходов на адвоката.

На телефон приходит списание за годовой сервис, про который я забыла. Девятьсот девяносто рублей. Раньше даже не посмотрела бы, сейчас иду отключать продление. Следом нахожу ещё две подписки. Антонову прошу оплачивать самому, нашу с Полиной пока оставляю: там её учебные материалы.

Полина начинает что-то говорить, но замолкает на полуслове. Я поднимаю голову.

— Что ты хотела?

— Ничего. Потом. — Она перелистывает тетрадь. — Я сапоги посмотрела, но старые ещё нормально.

Я отворачиваю к себе её телефон. В закладке та самая пара, которую мы собирались купить.

— Старые малы, Полин. Я помню. Купим.

Она кивает, но больше не спрашивает. Я дописываю сумму в расходы. Мне хочется вернуть ей хотя бы возможность попросить сапоги без страха, что мама сейчас расплачется.

После её отбоя я вношу деньги для погашения просрочки. Отдельно сохраняю подтверждение, остаток средств и расчёт банка. До полного обновления сведений может пройти время, поэтому ставлю напоминание проверить. Смотрю на уменьшившийся остаток. Я откладывала эти деньги на случай болезни или если Антон опять останется без заказов. Теперь придётся из них платить, пока он живёт с другой семьёй.

Сообщение от Виктории приходит, когда я уже убираю бумаги. Сначала ссылка на скан договора. Следом текст:

«Буфет заберите в ближайшие дни. Мы новую прихожую заказали, Антон разрешил этот убрать. Если вам нужен, организуйте сами. Он тут мешает».

Я смотрю на слово «разрешил». Открываю чат с мужем. Последним там по-прежнему висит мой вопрос о дате платежа. На него он не ответил. Зато распорядиться маминым буфетом успел.

Глава 7. Я заберу его сегодня

Я отвечаю Виктории сразу: «Ничего не выносите. Завтра приеду». Отправляю и понимаю, что не знаю, на чём увезу буфет. В нашу машину он не поместится. Да и машина сейчас у Антона.

В маминой записной книжке номер Арсения Белова обведён синим. Напротив коротко: «Мебель. Звонить после десяти». Мама собиралась отдать ему буфет на ремонт, но потом потратилась на лекарства и решила подождать. Я помню, как она жаловалась на заедающую дверцу. Ещё сказала, что Сеня теперь важный, со своей мастерской, а всё равно сам приезжает.

Он жил в соседнем подъезде, был на четыре года старше. Последний раз мы толком разговаривали года три назад. Тогда Арсений спросил, шью ли я ещё. Я показала рабочий каталог, и на этом всё закончилось. Теперь буду звонить и просить помочь.

До утра я перебираю способы перевезти мебель. В половине одиннадцатого звоню.

— Вера? — узнаёт он меня после двух слов. — Что случилось?

От этого вопроса сразу щиплет в носу. Я отворачиваюсь от стеклянной двери переговорной, чтобы коллеги не видели лица.

— Надо мамин буфет забрать. Срочно. Я заплачу. У тебя ещё есть фургон?

Он просит фотографию. Отправляю снимок из квартиры, с сушилкой на переднем плане. Надеюсь, не спросит, откуда там детские вещи.

— Двое нужны, — говорит наконец. — Одному не вытащить. И куда везти?

Я молчу. Всю ночь думала, как вывезти, а поставить у нас негде. Буфет шире свободной стены в прихожей.

— Можно пока к тебе? На хранение. Сколько скажешь, столько… то есть скажи сначала сколько.

— На первое время место найду, — отвечает он. — Если надолго, отдельно договоримся. За машину и помощь Павла — шесть восемьсот. Подойдёт?

Я быстро проверяю остаток на счёте. Подойдёт. Не оставлю же буфет Виктории только потому, что он тяжёлый и его дорого возить.

Мы договариваемся на вечер. Я отпрашиваюсь с работы, прошу заменить меня на встрече с покупательницей. Начальница недовольна, напоминает, что уже отпускала в понедельник. Обещаю в четверг выйти на работу пораньше и разобрать поставку. Образцы оставляю коллеге вместе с записями по заказу. Она не виновата, что я опять убегаю.

У маминого подъезда останавливается белый фургон. Арсений вылезает первым. На нём рабочая куртка с потёртым воротником, в волосах у висков много седины. Я не помни-

ла, что он так поседел. Вроде всего несколько лет прошло с последнего разговора, а я всё равно помню его молодым.

— Замёрзла? — спрашивает он вместо приветствия. — Мы на пять минут задержались.

— Да я только подошла, — вру я. На самом деле приехала слишком рано и уже успела обойти дом. Не знаю, как объяснить ему, почему буфет надо спасать срочно, а я не могу просто отвезти его к себе. Начинаю поправлять шарф, хотя он и так лежит ровно.

Он представляет помощника Павла. Мы поднимаемся на третий этаж. В лифте буфет не повезёшь, Арсений сразу смотрит лестничные повороты. Я открываю дверь своим ключом. Виктория стоит в коридоре в джинсах и домашней кофте. За её спиной громоздятся коробки новой прихожей.

— Только стены не оббейте, — предупреждает она. — Тут недавно красили.

Я останавливаюсь, не пропустив мужчин дальше.

— Буфет вы собирались выбросить, а за краску переживаете?

— Я сказала, что надо убрать! — Виктория прижимает к стене ещё одну коробку, не давая мне пройти к буфету. — Вы опять начинаете? Я сама, что ли, его вниз потащу?

Павел просит освободить проход. Я сдвигаю коробки, убираю с буфета пакет. Арсений осматривает крепления, словно мы приехали по обычному заказу. Я ему за это благодарна: не расспрашивает при Виктории.

— Антон в курсе? — спрашивает Виктория.

— Что я забираю собственную мебель? Ему сообщить, в котором часу подняли?

— Я только спросила, — огрызается она.

Я отворачиваюсь к буфету. Ей удобно спрашивать. Я должна объяснить, когда приеду, куда увезу, предупредила ли Антона. А мне никто ни о чём не собирался говорить.

Арсений снимает верхнюю часть, проверяет крепления. Я убираю с полок старую салфетку и две оставленные чашки. Одна мамина, с золотым ободком. Заворачиваю в салфетку, кладу в сумку. Виктория следит за мной, потом отворачивается к коробкам.

— Тут дверца не открывается, — предупреждаю я. — Мама её ножом поддевала.

— Помню, — отзывается Арсений. — Я ей говорил, что надо петлю менять. Она попросила сделать так, чтобы ещё годик пожила.

— Всё откладывала, — говорю я. — Потом ей уже не до петли стало.

Арсений кивает и берётся за отвёртку. Я заворачиваю чашку поплотнее. Не хочу сейчас разговаривать о маме при Виктории, будто она тоже из нашей семьи и всё про неё знает.

Буфет выносят по частям. Я держу дверь, потом иду впереди по лестнице, прошу соседей подождать, пока пронесут. На улице уже накрапывает. У фургона укрываю дерево до-

рожным пледом, который взяла из дома. Из подъезда выходит Виктория, проверяет, не оставили ли чего у двери. Я сажусь в фургон, чашку в сумке держу на коленях до самой мастерской.

В мастерской сухо, пахнет древесной пылью. У входа стоят стулья без сидений, над верстаком висят длинные струбцины. Пока мужчины ставят буфет на подкладки, я перевожу деньги. Павел прощается, Арсений снимает куртку и вешает рядом с моей.

— Чай будешь? — спрашивает он. — Чёрный есть, в пакетиках.

Я соглашаюсь. Он ставит чайник на стол возле раковины, отодвигает от меня банку с кистями. Я тем временем провожу по внутренней стороне дверцы. Там сохранился шёлк, выцветший до грязно-розового. Мама подклеивала отставший край обойным клеем. Помню этот жёлтый след.

— Восстановить можно? — спрашиваю я. — Только пока я не потяну большой ремонт.

Арсений приседает у ножки, нажимает на соединение.

— Сначала укрепим, чтобы не расшатался. Остальное подождёт. Ткань вот придётся менять.

— Не на плотный велюр, — возражаю я, приподнимая край шёлка. — Он здесь будет грубо смотреться. Можно взять шёлк с подкладкой или хороший вискозный жаккард. У нас есть такой, без сильного блеска. Я бы…

Замолкаю. Арсений смотрит на меня, и я пугаюсь, что по-

лезла учить мастера.

— Покажи потом, — просит он. — У меня с тканями вечно беда. Беру красивую, а как натянешь — совсем другое.

— Её сначала к свету поднести надо, — объясняю я. — Видишь, старая совсем просвечивает? Пока провисает, следы клея под ней не разглядишь. Натянешь — проступят. Я тебе образцы привезу. Можно просто приложить, без обязательств.

Арсений придвигает настольную лампу, приподнимает отставший край ткани. Встаёт рядом, чтобы и я видела. Пахнет от его рубашки стружкой и чем-то ещё, обычным чистым бельём. Я вдруг замечаю, как давно рядом со мной не стоял мужчина вот так — слушая, что я говорю.

— Привези, — просит он. — Сам бы, наверное, опять слишком плотную взял.

Я киваю, уже перебирая в уме артикулы. Потом он наливает чай и спрашивает о машинке Галины Павловны. Помнит её: мама не раз просила на тумбе колесо подтянуть.

— Тоже увезли, — отвечаю я. — На склад Антона. Он обещает, что всё целое. Как проверю, пока не знаю.

Я называю склад на Промышленной. Арсений оставляет чайник на подставке, даёт мне стул.

— Если понадобится машину туда, позвони, — говорит он. — Вечером могу, но заранее скажи, чтобы заказ не назначил.

Я сажусь, обхватываю чашку. Пока мебель носили, всё

время находилось дело. Теперь можно отдохнуть, и я вдруг не знаю, куда себя деть. Снова смотрю на буфет: точно стоит, никуда не денется.

— Спасибо, — говорю я. — Я бы одна не знала, куда его. Даже места не придумала.

— Ты же позвонила. Нашли место.

От этого простого ответа у меня опять щиплет в носу. Не начинаю плакать только потому, что тогда придётся всё рассказать. А он и так видел Викторию, новую прихожую, слышал, как я говорила про мужа.

— Ты, наверное, ничего не понял, — всё же произношу я. — Там теперь Антонова женщина с его сыном. Мама её знала. Я пытаюсь понять, что именно она знала.

Арсений садится напротив, не притрагиваясь к своему чаю. Я замолкаю, жду, что он скажет.

— Я видел их у неё, — говорит он. — Викторию и мальчика. Ещё до больницы. Только про Антона мне тогда никто не сказал.

Глава 8. Я подам на развод

— Мама как его называла? — спрашиваю я. Чашка обжигает ладонь, ставлю её на край стола. — Мальчика. Ты не помнишь?

— Тимоша, кажется. Я приезжал размеры снимать, он у неё возле кресла играл. Вика на кухне была.

— А про отца ничего? Вообще? — Я смотрю ему в лицо, стараясь не пропустить даже сомнения.

Он качает головой. Я всё равно смотрю, жду продолжения. Все у мамы бывали, все видели этого ребёнка. Почему я ни разу не встретила? Вечно торопилась с работы, заходила вечером, когда Виктория уже ушла. Привозила еду и радовалась, что мама поела днём.

— Я всего на полчаса заходил, Вер, — говорит он. — Не знаю, что там было. Гадать не стану.

— Да, извини. Я пристала к тебе, а ты откуда знаешь, — говорю я. Допиваю остывший чай, начинаю собирать вещи. — Ты про хранение завтра напиши. И сколько будет стоить.

Он обещает. У двери спрашивает, что я буду делать дальше.

— К адвокату пойду. Надо разводиться.

Произношу и сама пугаюсь. С мужем проще было кричать, здесь это уже решение. Арсений помогает накинуть пальто на больное плечо, ждёт, пока я закажу такси. До при-

езда машины остаётся со мной у ворот.

В четверг выхожу на работу раньше, как обещала. До обеда разбираю поставку, потом в переговорной ещё раз проверяю папку для Елены Сергеевны. Есть всё, что она попросила по телефону. Только рассказать спокойно всё равно не получается даже самой себе.

После обеда еду к Елене Сергеевне. Её контакт дала коллега, которая разводилась два года назад. В коридоре маленькой конторы пахнет горячим тонером, на подоконнике стоят пластиковые стаканы с черенками. Адвокат встречает меня у двери и просит оставить мокрый зонт в подставке.

— Документы принесли? — спрашивает она. — С чего начнём?

Я выкладываю свидетельство о наследстве, сведения о собственности, кредитную папку. Телефон со сканом договора кладу сверху. Сначала хочу рассказать всё по порядку, с Виктории в маминой кухне. Но уже на словах «восемь месяцев» сбиваюсь и начинаю говорить про дочь.

Елена Сергеевна не останавливает. Даёт мне договорить, только просит уточнить возраст Полины. Когда я достаю салфетку, пододвигает коробку ближе, продолжая просматривать бумаги. Мне легче, что она не смотрит на меня в упор.

— Квартира матери — ваша личная собственность, — говорит наконец. — Брак сам по себе права Антону на неё не даёт.

— Тогда почему я не могу просто приехать и сказать им

собираться?

Адвокат поворачивает ко мне экран со сканом.

— Из-за этого документа. Если договор настоящий и действует, наследование само по себе его не отменяет. Нам надо изучить условия. И понять, есть ли основания закончить пользование раньше срока. Второй путь — договариваться с Викторией.

Я откидываюсь на спинку стула. В кабинете жарко, и вдруг совсем нечем дышать. Договариваться. Я-то ехала сюда, чтобы мне объяснили, как их оттуда убрать.

— Договариваться, чтобы она ушла из моей квартиры? Я ещё заплатить ей должна?!

— Я не предлагаю вам платить. Я объясняю возможные способы, — отвечает Елена Сергеевна, разворачивая ко мне договор.

— А если замки поменять? — Я сама слышу, как зло спрашиваю. — Пусть он сам ей квартиру ищет. Он пять лет где-то её держал!

Елена Сергеевна ждёт, пока я выговорюсь. Я уже хватаю сумку: зачем пришла, если мне здесь повторяют то, чем Антон грозил на пороге? Идти, правда, некуда. Он же только обрадуется, если я сдамся.

— Вера, я понимаю, какого ответа вы хотите, — говорит адвокат. — Но я не буду советовать действие, после которого у вас появится ещё один спор. Дайте мне изучить договор. Потом обсудим, на что можно опереться. Я не предлагаю вам

отказаться от квартиры.

Я отпускаю сумку. Елена Сергеевна снова придвигает договор, показывает, какие пункты надо проверить. По крайней мере она его читает, а не советует потерпеть ради ребёнка.

— Хорошо. Что ещё нужно?

— Вы сами что-нибудь подписывали? — спрашивает она. — Или мужу письменно разрешали решать вопрос с квартирой?

— Нет! — отвечаю я громче, чем собиралась. — Он говорил, что присматривает. Я думала, счета платит, окна открывает.

Елена Сергеевна записывает. Просит фотографии квартиры и переписку о вещах. Я сразу отправляю из телефона.

— До проверки договора не буду называть сроки, — предупреждает она. — Если получится договориться о прекращении пользования, это одна история. Если спорить — другая. Выселение к концу недели я вам обещать не могу.

Я киваю. Хотела именно такого обещания. Теперь придётся жить без него.

С ипотекой разговор ещё тяжелее. Я показываю расчёт задолженности и подтверждение погашения. Утром банк обновил сведения. Елена Сергеевна просит оставить копии всех платежей. Спрашивает, смогу ли я вносить полную сумму дальше.

— Какое-то время, — отвечаю я. — Несколько месяцев.

Если не случится ничего ещё.

Она смотрит остаток: около шести миллионов четырёхсот тысяч. Спрашивает, есть ли другие кредиты. Я отвечаю, что других общих кредитов, насколько мне известно, нет, а потом запинаюсь.

— А его фирма? Я не знаю, что там подписано. Он сам всем занимался.

— Сначала разберём ваши документы. По другим обязательствам понадобятся сведения, — отвечает она. — Не подписывайте сейчас с ним никаких соглашений вслепую. Пришлёт что-то — покажете мне.

Я записываю. Раньше Антон давал мне бумаги и показывал, где расписаться. Сейчас хочется забрать назад каждую свою подпись. Но вместо этого приходится разбирать то, что уже подписала.

— Полина с вами живёт? — спрашивает она.

— Да. В нашей квартире. У неё своя комната. Она там с первого класса… — Я обрываю себя. — Он не может просто забрать её?

— Он уже требует, чтобы дочь жила с ним? — уточняет адвокат.

Я мотаю головой. Пока не требует. Но сообщил ей о брате без меня, попросил уговорить меня простить. Если с этим не посчитался, что ему помешает забрать её после школы?

— Давайте разделим, чего вы боитесь и что он уже сделал, — говорит Елена Сергеевна. — Если возникнет спор о про-

живании Полины, им придётся заниматься отдельно. Сам по себе ваш развод этот вопрос за вас не решит.

— Я встречи запрещать не хочу, — тороплюсь сказать я. — Я хочу, чтобы он перестал решать за меня. Хотя бы ей не обещал, что я успокоюсь и всё будет как прежде.

— Тогда сначала нужно ваше решение, — отвечает адвокат. — Брак вы хотите расторгнуть?

До этого я говорила о бумагах, сроках, деньгах. Теперь перед глазами опять Антон босиком в мамином коридоре. И его вопрос, почему я без звонка. Домой ко мне он вернётся — а от них уйдёт? Завтра? Через неделю? Я не хочу больше ждать, где он захочет спать.

— Я подам на развод, — говорю я. — Подготовьте, пожалуйста, что нужно. Сохранять этот брак я не буду.

На улице мокрый ветер, приходится спрятать папку под пальто. Я стою под козырьком, проверяю, всё ли отправила Елене Сергеевне. Домой идти страшно: Полина опять спросит, когда папа придёт. Я ещё не знаю, как скажу ей о разводе.

Антону пишу отдельно: сообщаю, что была на консультации, документы для развода готовятся. Прошу прислать перечень вещей со склада. Перезванивает он мгновенно.

— Ты серьёзно к адвокату побежала?! — В голосе уже нет вчерашней уверенности. — Решила по чужим людям нашу семью таскать?

— Не надо мне про семью. Пришли список вещей, Антон.

— Ты сгоряча сейчас всё наломаешь, — говорит он. — А потом сама не рада будешь. Мы столько лет…

— Пять лет из них ты мне врал, — перебиваю я. — Хватит уже.

Он замолкает. Я жду, не скажет ли про вещи. Вместо этого слышу:

— Мама тебе письмо оставила. Личное. Я его пока не отдавал.

Я прижимаю телефон к уху так сильно, что становится больно.

— Какое письмо?

— Захочешь перестать воевать с её последней волей — покажу, — отвечает муж.

Глава 9. Бабушка знала Тимошу

— Пришли фотографию! — требую я. — Сейчас, Антон. Я жду.

— Я тебе не мальчик по команде бегать, — огрызается он. — И сейчас фотографировать ничего не буду.

Я цепенею. Он всё это время хранил у себя мамино письмо. Привозил мне папки, просил разобрать документы, а его оставил. Семь месяцев я ничего об этом не знала.

— Ты прочитал? — спрашиваю я. — Моё письмо ты прочитал?!

— Вера, перестань орать. Я тебе сказал, что оно есть. Поговорим нормально — всё увидишь.

— Дай мне его! Это мама мне написала!

Мимо под козырёк протискивается мужчина с папкой, задевает мой зонт. Я отхожу к стене. Дальше просить при незнакомом человеке не могу. Антон ещё что-то произносит, но я отключаюсь и пишу то же требование сообщением. Пусть останется. Он читает. Ни снимка, ни ответа до вечера не присылает.

Елене Сергеевне я сообщаю о письме. По её просьбе сохраняю переписку. Антон вечером отвечает только: «Не накручивай себя». Я швыряю телефон на диван. Как будто можно спокойно лечь спать, узнав, что мама ещё что-то хотела мне сказать.

В пятницу после работы заезжаю к Рите Семёновне. Мы созвонились утром. Она ждёт меня у себя, через площадку от маминой двери. В коридоре у соседки пахнет сушёной мятой и разогретым супом. Войлочные тапочки, которые она даёт, велики; я шлёпаю в них на кухню.

— Галочка такие носила, когда ко мне на огурцы приходила, — замечает Рита Семёновна и тут же замолкает. — Я другие могу дать.

— Не надо. Эти хорошие.

Я сажусь у окна. От щели в раме холодит локоть. На столе клеёнка, под прозрачным краем квитанции и фотография кота. Соседка наливает чай, спрашивает о Полине. Я отвечаю, потом всё-таки произношу имя Виктории.

Рита Семёновна сразу перестаёт разливать чай. Смотрит на меня так, что я не удерживаюсь:

— Вы тоже знали? — спрашиваю я. — Про Антона?

— Нет! — Она вскидывается так резко, что звякает крышка. — Вера, ты что! Как я могла такое знать и тебе… Я только во вторник от неё услышала, что вы поссорились. Она не всё сказала. Я Антона тут видела, конечно, он же к твоей матери приезжал!

Я опускаю глаза. Соседка столько маме помогала, а я с порога её обвиняю. Только остановиться всё равно трудно: если и она знала, кого мне ещё спрашивать?

— Простите, — говорю наконец. — Я уже не понимаю, кто что видел. Мама его сыном Антона называла? Хоть раз?

— При мне никогда. Она про Вику другое говорила. Что девочка одна бьётся, отец ребёнка не помогает. Жалела её.

Я цепляюсь за её слова:

— Значит, мама не знала?

— Я не знаю, — отвечает соседка. — При мне Галя так говорила. Про одинокую мать. Что ещё ей рассказывали, я откуда знаю?

Я отворачиваюсь к окну. Очень хотелось услышать уверенное «не знала». Рита Семёновна вздыхает.

— Мальчика-то она любила. Он ей рисунки таскал. Криво накалякает, а Галя всем показывает.

— Часто его приводили? — спрашиваю я.

— Через день бывало. Вика убирает, он у кресла сидит, машины катает. Красная у него была, пожарная, всё норовил на подножку поставить. Я Галю спрашивала: не устаёшь? А она смеётся, говорит, с Тимошей веселее. Сама просила привести.

Я смотрю на соседку. Мама сама просила. Значит, на фотографии никто её не заставлял держать мальчика на коленях.

— Он её бабушкой звал? — спрашиваю я. Голос звучит глупо, обиженно. Не получается скрыть.

— Бабушкой Галей. Я слышала. — Рита Семёновна уже осторожнее выбирает слова. — Она к детям привязывалась, ты же знаешь.

Мне стыдно, а я всё равно ревную. Она мне говорила, что

устала, что поспит и станет лучше. А потом просила привести Тиму. Я понимаю, как жестоко это звучит даже у меня в голове: ребёнок развлекал больную женщину. Хорошо же, что мама могла посмеяться. Только проглотить эту новость никак не получается.

— И Полину всегда ждала, — добавляет Рита Семёновна. — Всё спрашивала, когда у неё занятия закончатся. Рассказывала, как внучка выступила, что в школе получила. Ты не думай, Вера…

— Мы приезжали, — отвечаю я слишком резко. — Каждую неделю. А потом я в больницу ездила. Я не оставляла её одну!

Рита Семёновна обиженно отводит глаза к окну.

— Да я разве тебя попрекаю? Я знаю, что ездила. Полина, пока ты работала, у меня ключи брала. Ты не должна мне доказывать.

Я прошу прощения второй раз. Теперь сразу, не прячась за чашкой. Она ещё какое-то время отвечает коротко. Потом предлагает завернуть Полине пирожки с яблоками. Я соглашаюсь, и мы молча укладываем их в контейнер. Про Антона я больше не спрашиваю. Соседка обижена, я это вижу. Не надо было на неё набрасываться.

Дома Полина ждёт с раскрытым альбомом. Разложила на ковре фотографии, листы для проекта, клей и ножницы. Хочет закончить до выходных, чтобы в понедельник уже отнести. Я ставлю контейнер в кухне и сажусь рядом с ней, прямо

на пол.

— Это бабушка? — Она показывает девчонку с двумя толстыми косами. — А почему такая сердитая?

— Потому что ей сказали держать спину прямо. Всю жизнь терпеть не могла фотографироваться. Зато потом ругалась, что фотографий мало.

Полина фыркает. Подвигает мне другой снимок: я с огромным бантом, мама держит меня за плечи. Дочь разглядывает наши одинаковые подбородки, дотрагивается до своего.

— А у меня тоже такой? — спрашивает она. — Ты говорила, я на папу похожа.

— Бабушкин. Смотри, — говорю я, поднося снимок к её лицу. — И вот эта складочка. Когда сердится.

Полина нарочно хмурится, пихает меня локтем. Я смеюсь, она тоже. Можно ещё вот так сидеть с ней и смеяться. Как же мне этого не хватало.

Мы выбираем снимки для проекта, ищем годы на обороте. У мамы смешные подписи: «Верка опять отказалась от шапки», «Полина съела землянику до фотографии». Дочь требует объяснить историю с земляникой. Я рассказываю, как мама принесла маленькую миску специально для красивого снимка, а трёхлетняя Полина успела выесть всё, пока искали батарейки к фотоаппарату.

— Правильно, — заявляет дочь. — Чего они так долго искали?

Я придвигаю к ней пирожок на блюдце. Мы едим над клеёнкой, которую Полина постелила для работы. Крошки приходится собирать сразу, чтобы не испачкать старые снимки. На одной фотографии мама в праздничном колпаке и с серьёзным лицом выносит кулич.

— Она же говорила, что колпак дурацкий, — вспоминает Полина. — А потом всё равно надела.

— Потому что ты не хотела садиться за стол, пока все не нарядятся. Даже папа в бумажном сидел.

Полина берёт снимок, где Антон рядом с бабушкой. Я тянусь его переложить, потом убираю руку. Дочь уже выбрала место на листе, примеряет фотографию. Пусть остаётся. Из-за того кулича мы смеялись все вместе.

Когда заканчиваем, она кладёт голову мне на плечо. Я сижу неподвижно, хотя уже затекла нога.

— Я по ней скучаю, — говорит Полина. — Всё забываю, что ей звонить нельзя. Вчера хотела про Тиму рассказать. А потом вспомнила, что она его знала.

Я глажу её по волосам. Ещё немного посидим, потом надо будет убрать клей и сложить оставшиеся снимки. Пока не двигаюсь. Полина так редко в последнее время сама прижимается ко мне.

— Она его любила? — спрашивает Полина. — Папа говорит, очень.

Я вспоминаю, как мама держала мальчика на фотографии. И то, что рассказала Рита Семёновна.

— Похоже, любила. Бабушка детей любила. Тебя помнишь как баловала?

Она убирает голову с моего плеча. Смотрит растерянно, и я понимаю, что ответила совсем не на тот вопрос, который её мучает.

— Тогда почему ты хочешь его выгнать? — спрашивает она. — Если бабушка сама его туда пустила?

Глава 10. Он же мой брат

— Я хочу, чтобы у нас с тобой была бабушкина квартира, — отвечаю я. — Она моя. Папа не мог просто взять и пообещать её другим людям.

Она начинает собирать фотографии. Слишком быстро, не глядя, где склеенные страницы, и я придерживаю альбом. Дочь сердито отдёргивает руку.

— Но он там живёт! Ему куда потом?

— У него есть мама. И папа. Они должны об этом подумать, — отвечаю я, стараясь не сорваться на слове «папа».

Полина сердито смотрит на меня. Всё было хорошо пять минут назад. Мы смеялись, она сидела у моего плеча. Теперь я опять должна объяснять, почему не хочу оставить мамино жильё любовнице мужа.

— Ты просто злишься на папу, — говорит она.

— Да, злюсь! — срываюсь я. — А ты бы не злилась? Ты там раньше в гости к бабушке ходила. Теперь мне надо спрашивать у Виктории, когда можно зайти!

— Я не про Викторию, — возражает дочь. — Я про него! Почему нельзя подождать, пока они другое найдут?

Хочется ответить: спроси у папы, почему он сразу не нашёл. У него время было. Пять лет. Я смотрю на мокрый от клея Полинин палец и осекаюсь. Она ещё даже с братом не знакома, а мы уже спорим, кому из родителей она должна

поверить.

— Мы с адвокатом разбираемся, как это будет, — говорю я. — Никто завтра Тиму на улицу не выставит. А сейчас давай сложим снимки, пока не помяли.

Она берёт альбом, кладёт мне на колени.

— Я всё равно хочу с ним познакомиться, — говорит, не глядя на меня.

— Знаю. Я же не запрещаю.

Полина кивает, но отодвигается подальше. Мы складываем фотографии в тишине.

В субботу утром звонит Антон. Хочет взять Полину к себе: познакомить с Тимофеем, пообедать. Я выхожу с телефоном в кухню, но дочь идёт за мной и замирает у порога.

— В квартиру она сегодня не поедет, — говорю я мужу. — Хотите познакомить детей — встретятся в кафе. В парке. Я тоже буду.

— Зачем? Чтобы и там устроить сцену?

Я отворачиваюсь к окну. На стекле следы дождя, во дворе мокрые качели. Полина слышит каждое моё слово, и это удерживает меня лучше всех вчерашних обещаний самой себе.

— Без разговоров о квартире, Антон. И о разводе. Это встреча детей. Согласен?

— Я их познакомить хочу, — злится он. — Нормально, дома.

— Тогда кафе у парка, — повторяю я. — Или сегодня не

получится.

Он сдаётся, называет время. Полина уже открыла карту, хотя прекрасно знает, где это кафе. Я иду одеваться. Она догоняет меня в коридоре с коробкой конструктора — маленьким набором, который купила по дороге из школы на свои деньги.

— Он же мой брат, — говорит она, заметив, что я смотрю. — Я хочу ему подарить.

Я отвожу глаза. Не думала, что она уже успела купить ему подарок. На коробке пожарная машина, почти как та, о которой говорила Рита Семёновна.

— Хороший, — отвечаю я. — Только пакет возьми, на улице сыро.

Антон ждёт нас в кафе у окна. Тимофей сидит рядом на высоком стуле и ковыряет ложкой сырник. Хорошо хотя бы Виктории нет. С ней за одним столом я сейчас не сяду. Антон поднимается, хочет поцеловать Полину в макушку. Она обнимает его быстро, отстраняется и смотрит на мальчика.

— Привет. Я Полина.

Тима отворачивается к отцу, прячет ложку под тарелку. Антон притягивает его ближе.

— Не стесняйся. Это же сестра. Ты ждал.

— Дай ему привыкнуть, — прошу я Антона, снимая куртку.

Полина садится напротив мальчика. Кладёт коробку на стол, поворачивает к нему картинкой.

— Смотри, тут пожарная. С лестницей. Ты такую умеешь собирать?

Тима выглядывает из-за отцовского локтя, качает головой. Потом всё же касается коробки.

— А колёса где? — спрашивает он.

— Внутри. Там все детали внутри. Хочешь покажу? — Полина надрывает плёнку с краю и ждёт, пока он сам ухватит.

Мальчик тянет, коробка выскальзывает. Дочь успевает её подхватить и смеётся. Тима смотрит на неё, потом тоже начинает смеяться. Я стою с курткой в руках и вдруг чувствую себя совсем лишней. Сажусь, прячу сумку под стул.

Антон забирает пакетик, хочет разорвать. Тима тут же тянет его обратно.

— Поля! Пусть Поля!

Дочь берёт пакетик у отца, подставляет салфетку под мелкие детали. Улыбается во весь рот. Я смотрю и никак не могу вспомнить, когда она в последний раз так радовалась дома. Официантка спрашивает, что буду заказывать, и я переспрашиваю: не услышала.

Заказываю чай. Антон просит принести дочери её любимые блинчики, но Полина выбирает тост. Он удивлённо смотрит на меня. Не знает, что она уже полгода не ест сладкие начинки. Я ничего не поясняю.

Мы перебираемся к низкому столику возле детского уголка: с высокого стола детали всё время падают. Там пахнет на-

гретой резиной от коврика, играет слишком громкая песенка из игрушечного пианино. Тима каждые две минуты показывает мне новую деталь. Я говорю, что здорово получается. Он тут же поворачивается к сестре, ждёт, чтобы и она посмотрела. Полина хвалит мигалку, помогает защёлкнуть, и он придвигает к ней стул.

Антон садится рядом с дочерью. Я отодвигаюсь. Он замечает, но ничего не говорит.

— Вот видишь, — говорит Полине. — А ты боялась. Теперь будете вместе играть. Ему тебя очень не хватало.

— Он меня не знал, — возражает она, не поднимая головы от деталей.

— Всё равно. Одному скучно. И папы рядом всё время нет. Он ведь рос без меня, по сути.

Я смотрю на него. «Рос без меня». Кто же ему мешал приезжать к сыну? Неужели сейчас скажет, что я?

— А почему тебя не было? — спрашивает Полина.

Антон не отвечает сразу. Тима толкает к нему машину, просит держать колёса, пока вставит ось. Муж хватает эту возможность, склоняется над столиком.

— Работа, Полин. Ты же знаешь. Я и сейчас не каждый день могу выбраться.

— Но ты мог ко мне и к нему? По очереди. Почему не мог? — Полина удерживает в ладони последнее колесо. Машинку она больше не собирает.

Я прикусываю язык. Очень хочется добавить: давай, объ-

ясни. Но тогда он опять начнёт ссориться со мной, а Полине так и не ответит.

— Не мог же я разорваться, — отвечает Антон. — У тебя мама всегда была рядом. А он маленький, ему и папа нужен.

— Мне тоже нужен, — говорит Полина. — Ты бы мог иногда…

— Теперь будем видеться. Мы же встретились? — Он придвигает к ней фигурку. — На, посади пожарного, Тима уже ждёт.

Полина держит фигурку, пока Тима не дёргает её за рукав. Он уже нетерпеливо требует машину. Дочь сажает пожарного в кабину, отдаёт и поворачивается к отцу. Но тот достал телефон. Фотографирует, велит обоим улыбнуться. Я вижу, как Полина послушно улыбается, хотя только что готова была заплакать.

Мы остаёмся ещё на час. Тима зовёт сестру в детский уголок. Когда она пытается вернуться к столу, он хватается за её кофту, не отпускает. Я жду, не разозлится ли она, как дома, когда я мешаю ей смотреть телефон. Дочь только смеётся и просит не растянуть. Мальчик тут же выпускает кофту, берёт её за палец.

У выхода Антон обещает прислать фотографии сына. Полина просит все, с самого маленького. Я жду, пока они обнимутся. Тима обнимает сестру за колени, и ей приходится нагнуться, чтобы высвободиться. Она обещает ещё встретиться, потом уже в автобусе спрашивает у меня разрешения. Я

соглашаюсь. Договариваемся, что день выберем позже.

Фотографии приходят по дороге. Полина показывает мне Тиму в коляске, на качелях, с велосипедом. Потом резко приближает один кадр. Антон держит торт с четырьмя свечками, Тима смеётся у него на руках. Под снимком папина подпись: «Наши четыре. 23 апреля».

Полина перестаёт листать. Я узнаю серую рубашку мужа, ту самую, в которой он собирался на сдачу объекта.

— Мам, — произносит дочь. — Но двадцать третьего у меня концерт был. Он же работал. Он мне сам сказал, что работал…

Глава 11. Ты меня тогда тоже любил?

Полина увеличивает фотографию. Приближает дату, лицо отца, снова дату. Я смотрю через её плечо и молчу. Она первой нашла совпадение. Не могу теперь сказать, что ошиблась, пусть даже очень хочется.

— Может, он потом приехал, — произносит она. — После работы. Вечером.

Я помню тот вечер. Концерт начался в шесть. Мы вернулись домой около девяти, ели на кухне разогретые сырники. Антон пришёл почти в одиннадцать. Похвалил дочь, пообещал посмотреть запись в выходные. Так и не посмотрел.

— Может, — отвечаю я. — Я не знаю, во сколько он там был.

Полина выключает экран и прижимает телефон к животу. На следующей остановке в автобус заходят школьники с рюкзаками, становится шумно. Дочь подвигается ко мне, чтобы пропустить их, и остаётся сидеть вплотную. Я обнимаю её за плечи. Она не отстраняется, только смотрит в окно до самого дома.

Куртку снимает молча. Я предлагаю чай, поесть, посмотреть кино — слишком много всего сразу. Полина говорит, что хочет в свою комнату. Я даю ей уйти, но хожу мимо две-

ри каждые десять минут. В комнате тихо, ни музыка не играет, ни видео. Я всё-таки заглядываю: она сидит на кровати с открытой перепиской.

— Можно? — спрашиваю я.

Она кивает и подбирает ноги, освобождая мне край покрывала. На столе закрытая папка с проектом. Полина убрала её сама, а остальные фотографии так и оставила на ковре. Переступаю через них, сажусь рядом.

— Он ещё когда к нему ездил? — Полина листает старые сообщения. — На мой день рождения он был. Но тогда в боулинге мы с тобой… помнишь, он не смог? Я ему заранее говорила.

— Помню.

Я помню и боулинг, и поездку к врачу, и обещание научить её ездить на велосипеде. Тогда учила я, Антон прислал восторженное сообщение на готовое видео. Нельзя сейчас всё это выкладывать. Полина и так сидит передо мной растерянная, совсем маленькая.

— Лучше спроси у него, — говорю я. — Я ведь тоже не знала, где он.

— А ты его спрашивала? Почему он опять не пришёл?

— Спрашивала. Он говорил, что работа, — отвечаю я. Полина сдвигается, чтобы видеть моё лицо.

Она открывает снимок с тортом ещё раз и тут же переворачивает телефон экраном вниз.

— Я позвоню. Только ты не говори ничего, ладно?

Я обещаю. Она ставит телефон между нами, включает громкую связь. Пока идут гудки, я успеваю пожалеть, что осталась. Но уйти она не просит. Сидит совсем рядом, держит мой рукав двумя пальцами.

— Ну что, сестра, насмотрелась? — слышим мы голос Антона. — На кого похож?

Полина не отвечает про сходство. Сначала только облизывает губы, никак не решаясь начать.

— Пап, ты двадцать третьего к Тиме ездил? Когда у него день рождения был?

— Конечно. Четыре года всё-таки. Торт сам выбирал. Понравился тебе? — Он смеётся, ещё не понимая, зачем она позвонила.

Полина отпускает мой рукав. Я слышу его довольный голос и хочу вырвать телефон, чтобы он хотя бы перестал рассказывать про торт.

— А у меня концерт был, — говорит она. — Ты сказал, не успеваешь. Что у тебя объект.

Он замолкает. Дочь ждёт, уже прикусив губу. Потом Антон вздыхает в трубку.

— Полин, я действительно работал. Заехал поздравить ребёнка ненадолго.

— А ко мне почему не заехал?! — вырывается у неё. — Мне ты вообще написал «начинайте без меня»! Ты даже не спросил, во сколько мой номер!

Я касаюсь её спины. Полина дёргается, сбрасывает мою

ладонь. Убираю руку. Сама хочу вмешаться, но она просила молчать.

— Ты уже большая, — начинает Антон. — Должна понимать, что не всё получается. Я и так между вами…

— Между нами что?! Я тебя один раз просила! Один! У тебя Тима каждый день, а у меня концерт раз в год!

— Не каждый день я у него, — раздражается он. — Не придумывай. И не надо детей сравнивать.

Полина закрывает рот ладонью, пытается вдохнуть. Я притягиваю её к себе, жду, не оттолкнёт ли опять. Она цепляется за мою кофту. Несколько секунд мы обе молчим, Антон зовёт дочь по имени.

— Ты меня тогда тоже любил? — спрашивает она. — Когда не пришёл?

Я прижимаю её крепче. Господи, до чего он её довёл. Она спрашивает, любил ли он её! Хочу наклониться к телефону, но Антон уже отвечает:

— Конечно, любил! И сейчас люблю. Ты моя дочь. Тиму люблю. Вас обоих одинаково. При чём тут один концерт?

— Не один, — шепчет Полина.

— Что? Полин, громче, я не слышу, — просит он.

— Не один! — выкрикивает она и обрывает звонок.

Телефон летит на кровать. Полина утыкается мне в плечо, плачет так, что приходится поддерживать за спину, чтобы не согнулась совсем. Я глажу её, повторяю, что рядом. Всё, что хочется сказать об отце, застревает в горле. Ей от этого

лучше не станет.

Антон перезванивает. Мы обе смотрим на экран, пока звонок не обрывается. Полина утыкается мне в шею. Я сижу с ней до тех пор, пока она не начинает сердиться, что жарко и неудобно. Отодвигаюсь, приношу воды. Сама выхожу на кухню и несколько минут стою у открытой форточки. Холодит щёки, из двора пахнет мокрой листвой.

Утром я застаю её на кухне. Сидит в пижаме, скребёт ложкой дно миски с кашей. Сажусь напротив, и она сразу просит:

— Только не надо опять про папу.

— Хорошо. — Я жду, пока она отодвинет миску. — Полин, у вас в школе психолог есть. Может, попробуешь с ней поговорить? Тебе со мной, наверное, не всё можно…

Не договариваю. Дочь уже качает головой.

— И что она сделает? Папу на концерт приведёт? — спрашивает Полина. — Не хочу. Только не записывай меня без спроса.

— Не запишу, — обещаю я.

— Ты точно ещё не написала? — Полина тянется за моим телефоном.

Я поворачиваю к ней экран с последними сообщениями. Она смотрит, возвращает. Мне больно, что и меня теперь проверяет. Но обижаться на неё за это не получается.

Днём Арсений присылает фотографию пары кресел. Спрашивает, можно ли подобрать им ткань в одном комплекте со шторами для комнаты. У него есть клиент, которо-

му не хватает предложенных вариантов. Я увеличиваю снимок. Кресла хорошей формы, с гнутыми деревянными подлокотниками. Тёмную обивку на снимке почти не разобрать.

Пишу, что надо видеть мебель и освещение комнаты. Он отправляет ещё несколько кадров, размеры окна и спрашивает, смогу ли приехать завтра вечером. Я соглашаюсь. Открываю каталог, выписываю несколько артикулов, потом отодвигаю: надо сперва понять, чего хочет клиент. Начинаю записывать вопросы и не замечаю, как проходит час. Телефон всё это время лежит в стороне.

Полина заглядывает ко мне за зарядкой. Спрашивает, для кого образцы. Я рассказываю про мастерскую и буфет. Она вспоминает Арсения — дядю с фургоном, который когда-то привозил бабушке стул. Просит показать, как буфет теперь стоит. Я обещаю сфотографировать завтра.

Вечером ей звонит отец. Полина уходит в комнату, оставляет дверь открытой. Я слышу её короткие ответы, потом вопрос: «Прямо весь день?» Она возвращается на кухню.

— Скажи ещё раз, — просит в телефон и включает громкую связь. — Чтобы мама слышала.

— Следующие выходные проведём вместе, — говорит Антон. — Я всё отменю. Оба дня с вами, с тобой и с Тимой. Никуда не уеду, обещаю.

Полина смотрит на меня, сжав телефон двумя руками. Я ещё помню, как она вчера плакала у меня на плече. Она, похоже, тоже: не улыбается, только ждёт моего ответа.

Глава 12. Ты умеешь гораздо больше

— Днём можешь побыть с папой, — говорю я Полине. — О времени договоримся заранее. На ночь пока домой.

Антон тут же обещает забрать её в субботу в десять. Начинает перечислять развлечения, но Полина перебивает:

— Ты правда никуда не уедешь?

Я смотрю на дочь и жду ответа вместе с ней. Муж повторяет, что обещал. Она наконец соглашается, ещё осторожно, без прежнего восторга. После звонка напоминаю об уроках: всё на воскресный вечер оставлять нельзя. Полина закатывает глаза. Я почти рада, что опять раздражаю её такой обыкновенной просьбой.

В понедельник беру из салона образцы, отмечаю в журнале, что выданы мне. Домой звоню по дороге: Полина уже пришла, проект сдала. Учительнице понравились старые подписи на оборотах фотографий. Дочь рассказывает это с удовольствием. Я слушаю и чуть не проезжаю остановку у мастерской.

У Арсения сегодня пахнет клеем, и входная дверь открыта для проветривания. Я придерживаю её плечом, протискиваюсь с папкой и сумкой образцов. Арсений встречает у входа, я передаю ему сумку. Рукава рубашки закатаны, на пред-

плечье белая полоса пыли.

— Давай к окну, — предлагает он. — Я кресла туда переставил. Тут хоть цвет видно.

Кресла стоят на низком помосте, уже без старой обивки на одном сиденье. Я приседаю рядом, рассматриваю изгиб подлокотника. На фотографиях казалось, что мебель массивная, вживую она гораздо легче.

— Я на фото их шире представляла, — говорю я. — Тут с рисунком бы осторожнее.

— Вот и я говорю. А заказчик просит побогаче, — отвечает Арсений и достаёт бордовую ткань.

На столе раскладываем фотографии комнаты. Тёмный пол, светлая стена, большое окно на юг. Диван менять не собираются. Значит, кресла придётся согласовать с его цветом, а шторы не должны совсем затемнить помещение.

— Я им эту показывал. На ощупь хорошая, а как приложишь — не то.

Я раскладываю ткань на кресле. На сиденье помещается один большой цветок, на спинке половина другого.

— Смотри. Рисунок слишком крупный, резать его негде. На два кресла ещё и одинаково не разложишь без большого расхода. Дай я однотонную попробую.

Прикладываю образец к спинке. Арсений отступает, смотрит издали. Я тоже отхожу, поворачиваю кресло к окну. Так лучше. Уже хочется увидеть его готовым.

— Клиенту важнее, чтобы блестело, или чтобы служило?

— спрашиваю я. — У него дети? Животные? Эти вопросы уже задавали?

— Про цвет и бюджет говорили, — отвечает он. — Про кота, кажется, что-то было. В переписке посмотрю.

Я оставляю три варианта, остальные откладываю.

— Пока вот эти. Потом уточним, как будут пользоваться. И маленький образец натянем, хорошо? Человек на карточке одно видит, на сиденье — другое.

Арсений записывает номера. Я подношу к фотографиям шторную ткань. Плотная бордовая рядом с этим диваном совсем затемнит комнату, а клиент просил сохранить свет.

— Вот это мне и нужно, — говорит Арсений. — Чтобы кто-то весь текстиль взял на себя. Я иначе ещё месяц с этими кусками проезжу.

Я поднимаю голову. Он смотрит на меня, оставив образцы на столе. Мне вдруг неловко: я уже раскомандовалась в его мастерской.

— Ты умеешь гораздо больше, чем я думал, — добавляет он.

Меня задевает это «чем думал». Антон тоже любил удивляться, если я разбиралась в чём-нибудь помимо дома. Я кладу образец на стол.

— Я девять лет с тканями работаю, Арсений.

Он замечает, что я уже убираю образцы.

— Подожди. Я криво сказал. Я знаю, где ты работаешь. Не знал, сколько там всего нужно понимать. Я тебя прошу

за этот заказ взяться.

Он придвигает ко мне блокнот с заказом. Пока я смотрю сроки, Арсений ищет переписку о коте. Всё-таки ему нужен мой ответ. Ждёт, возьмусь ли я. Я понемногу перестаю злиться.

— Оплачиваемый? — спрашиваю я прямо. — Я помогла посмотреть. Но вести бесплатно не смогу.

— Конечно. Я и собирался предложить деньги. Давай посчитаем объём.

— Подбор, разговор с клиентом и образец я возьму, — говорю я. — Перетяжка твоя. Пошив штор отдельно считать надо, я за всех сумму сейчас не назову.

— Сколько за твою часть? — спрашивает Арсений.

Я называю двенадцать тысяч и жду. В салоне проще продавать ткань по готовому ценнику. За себя просить страшно: сейчас скажет, что слишком много.

— Хорошо. Напиши мне, что в эту сумму входит, — отвечает он. — И сроки давай после разговора с клиентом уточним.

Я записываю. Эти деньги ещё надо заработать. Но впервые считаю, что могу получить, а не только сколько придётся отдать.

— Ты же не из жалости? — всё-таки спрашиваю я.

Арсений смотрит на образцы, которые я уже успела рассортировать.

— Я в пятницу должен ему варианты показать. Ты за час

дальше меня продвинулась. Вер, мне правда помощь нужна.

Я киваю. Хватит уже заставлять его оправдываться за предложение работы. Достаю ручку и дописываю вопросы заказчику.

В мастерскую входит молодой мужчина с плоскими коробками. Называет Арсения папой, просит убрать со стола хотя бы половину образцов: ему нужно сфотографировать готовые детали. Я собираю свои карточки. Арсений представляет Даниила, сына.

— Мы с вами знакомы, — говорит Даниил. — Только я мелкий был. Вы бабушке Гале подушки привозили.

Ему двадцать. Я помню школьника с рюкзаком, а передо мной взрослый парень, который быстро осматривает заваленный стол.

— У нас теперь текстиль будет? — спрашивает он отца. — Ты решил?

— Пока один заказ, — отвечает Арсений. — Вера поможет с подбором.

— А потом? — Даниил ставит коробки на стул. — Ты же говорил, сначала мою линейку откроем. Я страницу уже сделал. Люди спрашивают.

Я закрываю папку. Уже хочу отойти к буфету, но Даниил смотрит и на меня тоже, ждёт ответа от нас обоих.

— Даня, один заказ, — повторяет Арсений. — Не весь цех ей передаём. Я тебе ничего не отменял.

— Да ты ничего и не назначил! — Даниил смотрит отцу

прямо в лицо. — Всё «потом». Когда фотографировать, когда цены выкладывать — это сейчас. А как своё начать, опять подождать.

— Что за линейка? — спрашиваю я. — Я не знала.

— Готовые вещи. Небольшие столы, тумбы. Отреставрировали, сфотографировали, сразу цена, — отвечает Даниил. — Люди смогут купить, а не ждать, пока мы их мебель примем. Я этим сам хочу заниматься. Мне обещали.

Последние слова он говорит отцу.

— Даня, вечером обсудим, — обрывает Арсений. — Сейчас работа стоит.

— У меня тоже работа, — отвечает сын. Переставляет коробки на стол, едва не задевает образцы. — Только непонятно, моя или опять за всех.

Он забирает для съёмки две готовые спинки, уходит за перегородку. Арсений провожает его взглядом. Я не спрашиваю, что они не поделили. Пока даже не понимаю, есть ли в этой мастерской для моей работы место, которое никому уже не пообещали.

Мы заканчиваем с образцами. Арсений показывает буфет: теперь стоит устойчиво, под ножками ровные подкладки. Серьёзный ремонт пока не начинал. Я фотографирую его для Полины. Потом закрываю заевшую дверцу — она идёт туго, приходится надавить.

— Дай помогу, — говорит Арсений и придерживает снизу.

Я задеваю его пальцы, пока он придерживает дверцу, и отдёргиваю руку. Слишком резко. Он поднимает на меня глаза, я тут же отворачиваюсь к сумке. Неужели так заметно, что от одного прикосновения я уже смутилась?

У двери я не сразу решаюсь поднять на него глаза. Поправляю шарф, приглаживаю волосы. Он стоит рядом и не торопится прощаться. Я тоже не хочу уходить. Это, наверное, ещё сильнее видно.

— Поужинаем? — спрашивает он. — В среду, если можешь. Я хочу с тобой вдвоём посидеть.

Я перестаю поправлять шарф. Он смотрит на меня и добавляет уже без рабочей деловитости:

— Вера, я приглашаю тебя на свидание.

Глава 13. Мама хотела со мной поговорить

— На свидание? — переспрашиваю я, не зная, что ответить.

Арсений кивает. Я смотрю на воротник его рубашки. В глаза посмотреть пока не решаюсь.

— В среду не могу. Пока вообще не могу, — говорю я. — У меня ещё муж. И всё это… Я не знаю, как с другим мужчиной сейчас ужинать.

— Я поспешил? — спрашивает он.

— Не знаю. — Я наконец смотрю на него. — Мне хочется. Честно. Просто я сейчас сяду с тобой и опять буду про Антона. Ничего другого у меня пока не получается.

Он опускает глаза, убирает с дверной ручки мою сумку и подаёт мне. Не убеждает, что ему это всё равно.

— Я сама скажу, когда буду готова. Хорошо?

— Хорошо. Сама так сама, — соглашается он.

Я беру сумку, обещаю завтра прислать вопросы клиенту. Удобно, когда ещё есть о чём поговорить, кроме моего отказа. Он провожает меня до ворот. На прощание касается локтя — легко, поверх пальто. Я весь путь до остановки помню это прикосновение.

Дома Полина спрашивает, почему я улыбаюсь. Я говорю,

что мне предложили интересную работу. Она тут же просит показать кресла и обещанную фотографию буфета. Мы рассматриваем снимки. Дочь замечает, что за буфетом виднеется Даниил, спрашивает, кто это. Я рассказываю, что он занимается фотографиями и заказами в мастерской. Полина разглядывает маленькую фигурку на снимке, потом просит приблизить буфет: не видно, цела ли ручка.

Во вторник Елена Сергеевна уточняет, что мне известно о дате подписания договора. Я открываю скан на рабочем компьютере, смотрю на число. Вспоминаю больничные документы, которые сохранила отдельно. Перевод мамы в стационар, мои заявления на дни за свой счёт, назначения. Ошибки нет. Врачи уже тогда предупреждали нас, что мама, скорее всего, домой не вернётся. И всё равно я не понимаю, почему со мной не поговорила.

После работы сажусь в трамвай, звоню Рите Семёновне. Спрашиваю про дни после подписания. Она сначала вспоминает, как помогала Галине Павловне собирать больничную сумку, потом поправляется: это было раньше. Я не тороплю. Мне самой всё вспоминается вразнобой.

— Вера, она потом переживала, — наконец говорит Рита Семёновна. — Я вчера весь вечер думала о нашем разговоре. Галя уже в больнице лежала, я суп ей носила. Сказала: поспешила я с квартирой. И надо с Верой поговорить.

Я выхожу из трамвая на остановку раньше. На улице холодно, под обувью шуршит мокрая листва. Не хочу слушать

в толпе, держась за поручень.

— Так и сказала? Что с квартирой поспешила?

— Так, — подтверждает Рита Семёновна. — Я её успокаивала. Мол, поговоришь, чего сейчас себя изводить. Думала, вы сами решите. Я ведь не знала, что ты вообще не в курсе.

— Она хотела что-то отменить? Или просто рассказать?

— Не говорила, — отвечает соседка. — Устала, попросила изголовье поднять. Я больше не спрашивала.

— И потом ни разу? — Я останавливаюсь у края остановки, пропускаю людей к переходу.

— Ещё раз сказала, что тебя ждёт. Про квартиру поговорить хочет. Я решила, вы обсудили. Ты ведь к ней каждый день почти…

— Не обсудили, — перебиваю я. — Она мне ничего не сказала.

В трубке тихо. Теперь я сама не знаю, чего жду от Риты Семёновны. Она уже ответила.

Через дорогу мигает аптечная вывеска. Я в такие аптеки по пути в больницу заходила каждый день. В последний раз мама просила крем — обычный, чтобы не пах лекарством. Я привезла абрикосовый. Она понюхала и сказала, что будто варенье открыли. Я тогда смеялась, предложила принести ей банку настоящего.

— Вера, ты слышишь? — зовёт Рита Семёновна.

— Слышу. Спасибо. Если ещё что-нибудь вспомните, позвоните, пожалуйста.

Она обещает. Я убираю телефон и иду до дома пешком. Надо пройти две длинные улицы, иначе опять сяду в транспорт и буду плакать перед людьми. На перекрёстке жду зелёного и пробую вспомнить каждую мамину фразу за последний месяц.

Я сидела сбоку на её кровати, мазала кремом мамины руки. Очень осторожно, на запястье после катетера синяк. Она спрашивала про Полину, сокрушалась, что совсем не видит внучку. Потом посмотрела на часы:

— Ты бы домой ехала. Я тут лежу, а у тебя дел полно.

— Мама, перестань, — попросила я, осторожно растирая крем. — Я посижу. Чай ещё горячий.

— На работе тебя не ругают? Отпрашиваешься всё время.

Я тогда начала сердиться. Сказала, что работу наверстаю. А домой мне пока не хочется. Мама больше не прогоняла, попросила поправить подушку.

Я вспоминаю это посреди улицы и почти вслух спрашиваю: почему же ты не сказала? Я сидела рядом. Я не бежала никуда! Пусть испугалась бы, пусть накричала. Но она же знала, что я всё равно завтра приеду.

Я останавливаюсь у стены, прижимаю шарф к мокрому лицу. Злюсь на неё. Как бы ни было стыдно, злюсь. Всех пожалела, обо всех позаботилась. А мне оставила разбираться с тем, о чём даже не сказала. Тут же хочется попросить прощения: мама умирала. Разве можно сейчас её винить? Я уже сама не понимаю, что со мной.

Дома Полины ещё нет. Я достаю больничные бумаги, кладу рядом с договором. Даты я и так помню, всё равно сверяю. Мама подписала, пока ещё была дома. Пока я могла прийти и спросить. Складываю листы обратно — опять начала сначала, а ничего нового не узнала.

В той же коробке мамин телефон. Можно включить, посмотреть, что она писала Антону. Или Виктории. Я беру его, провожу по протёртому углу чехла и кладу обратно. Не хочу опять увидеть, как мама благодарит её за заботу. Сначала пусть муж отдаст то, что адресовано мне. Я и так слишком долго не знала, что письмо существует.

Антону звоню из кухни. Он отвечает с улицы, слышно, как сигналит машина. Я сразу прошу передать оригинал.

— Я за ним приеду. Или оставь у консьержа, я заберу. Адрес знаешь.

— Не надо никуда ехать, — отвечает он. — Я на объекте. И сказал тебе: спокойно сядем, обсудим.

— Мне не нужно с тобой сидеть. Мне нужно мамино письмо.

Он вздыхает, как прежде, когда я звонила не вовремя. Я отворачиваюсь от стула, на котором висит его рубашка. Всё надо собрать и отдать, чтобы больше ни об одну его вещь не спотыкаться.

— Вера, ты готова нормально договориться? — спрашивает он. — Ты уже адвоката наняла, грозишься выселением. Смысла нет тебе сейчас что-то показывать. Опять наорёшь.

— Ты вообще кто такой, чтобы решать, прочту я или нет?! — Я вскакиваю. — Она мне писала! Ты не должен был даже читать!

— Я тебе не враг. Я пытаюсь сделать так, чтобы ты потом себя за всё это не возненавидела.

— Себя? — Я не удерживаюсь от злого смешка. — Ты ещё меня пристыди! За то, что я своё письмо прошу! Хочешь мне помочь — сфотографируй. Сейчас. Даже приезжать не надо.

— Нет. Оригинал покажу. Лично. Когда ты будешь готова разговаривать без угроз.

Я отхожу от стола, потом возвращаюсь. Не могу даже просто стоять, пока он мне условия ставит. Понимает, что я захочу прочесть, на что угодно согласиться могу. Поэтому и не отдаёт.

— Ты уже знаешь, что там, — говорю я. — Почему так боишься, что я прочту без тебя?

— Да потому что она сама тебя просит оставить Вику с ребёнком до конца срока! — срывается Антон. — Мама твоя. Сама. До конца договора! Там ещё десять месяцев осталось!

Глава 14. Тимоша будет скучать

— Покажи! — кричу я. — Если сама просит, покажи! Чего ты ещё ждёшь?!

— Вот поэтому и не показываю. С тобой невозможно…

— Тогда отдай! — Я выдёргиваю стул из-под стола, он бьёт по шкафу. — Не объясняй мне, что она там хотела! Отдай, я сама прочту!

Антон повышает голос, но я уже не слушаю. Сбрасываю звонок. Тут же хочется перезвонить, попросить: ну отдай, что тебе стоит? Я ненавижу его за то, что готова просить. Вместо звонка пишу то же самое сообщением. Без «пожалуйста».

Мама просит. Если он не врёт, просит оставить их в своей квартире. Женщину, с которой мой муж пять лет мне изменял, и его сына. Я знаю, что не должна верить Антону на слово. Всё равно хочется спросить у мамы: а мне куда деться? Мне самой кто-нибудь место оставил?

Я сажусь, прячу лицо в ладонях. Сижу у горячей батареи, а меня знобит. Я не знаю, на кого мне теперь злиться. Мамы нет. Муж не отдаёт последнее, что она мне написала. За стеной у соседей включают телевизор, идёт обычная вечерняя передача.

Когда возвращается Полина, я уже стою у плиты. Она заглядывает мне в лицо.

— Ты опять плакала? Папа звонил?

— Я бабушку вспомнила. — Сдвигаю сковородку на холодную конфорку. — Омлет будешь?

Дочь кивает, но остаётся рядом. Я жду, что спросит ещё что-нибудь, и боюсь не выдержать. Она только достаёт две тарелки.

За следующие дни ещё дважды требую письмо. Антон в ответ велит успокоиться. Переписку пересылаю Елене Сергеевне. Один раз уже собираюсь ехать к нему, но так и остаюсь у двери с ключами: опять будет держать меня в прихожей и ждать, когда начну плакать. Я не могу ещё и при Виктории его упрашивать.

В пятницу мы с Арсением оставляем для кресел два варианта. Я проверяю наличие у поставщика, прошу пока придержать образец, отправляю клиенту подборку. На экране рабочая переписка, таблица с метражом. Можно хотя бы час заниматься тем, где от моих действий что-то зависит. За ужином Полина рассказывает, что папа подтвердил завтрашнюю встречу. Я спрашиваю, взяла ли она тёплую кофту. Про письмо ей не говорю.

В субботу Антон приезжает в десять. С Тимофеем. Мальчик стоит у двери в расстёгнутой куртке. Держит маленький рюкзак с той самой пожарной машиной.

Полина выходит из комнаты, и Тима сразу тянет к ней руки. Она приседает, он обнимает её за шею. Неловко, прямо через пуховик. Я отступаю, чтобы им было где развернуться.

Антон смотрит на меня поверх детских голов. С довольным видом, от которого хочется захлопнуть дверь перед ним.

— Он с утра спрашивал, когда за Полей, — говорит муж. — Скучает. У них теперь свои дела.

Я прошу Полину проверить зарядку телефона. Она уходит за ней в комнату, Тима топает следом. Антон заглядывает за моё плечо, ищет свои домашние тапки. Они всё ещё стоят у банкетки. Я остаюсь у двери и не приглашаю войти.

— Во сколько привезёшь? — спрашиваю я.

— Забери вечером сама. Мы в твоей квартире будем. Пусть дети поиграют, потом поедем куда-нибудь.

— Ты обещал оба дня с ними, Антон, — напоминаю я. Он уже достаёт телефон, но после моих слов убирает обратно.

— И буду. Не начинай с утра.

Хочется ответить, что он сам начал. Но из комнаты слышно, как Полина смеётся: Тима пытается надеть её школьный рюкзак и чуть не падает. Она ловит его, объясняет, что там учебники. У обоих уже планы на день. Я заставляю себя вернуться к разговору о времени.

Мы договариваемся на семь вечера. Антон приседает перед сыном, поправляет ему молнию. Полина уже надевает ботинки.

— Ну что, к тебе? — спрашивает он у Тимы. — Пока никуда не переезжаем, можно гараж достроить.

— А Тима переезжает? — Полина поднимает голову от ботинка.

— Придётся, наверное, — отвечает Антон. — Ты же знаешь, мы с мамой пока не решили.

Я смотрю на него. Он опять наклоняется к молнии, хотя уже застегнул. Сказал что хотел, теперь можно сделать вид, что разговаривал только с сыном.

— При детях это обсуждать не надо, — говорю я.

— Я просто сказал, что планируем. Тима там восемь месяцев живёт, для него это дом. Ему потом как объяснить?

— Ты взрослый. Ты и объяснишь, — отвечаю я, понижая голос: Тима уже прислушивается к нам.

Антон выпрямляется. Полина уже держит брата за руку и смотрит на меня. Не спрашивает, что мы решили. Наверное, боится, что сейчас запрещу ехать. Я прошу её позвонить днём и отхожу от двери. Она целует меня быстро, в щёку, уходит следом за ними.

Днём дочь присылает фотографию: они с Тимой построили из подушек домик. Из маминого пледа сделана крыша. На заднем плане Антон держит её край, чтобы не свалилась. Под снимком Полина пишет, что папа действительно никуда не уехал.

На фотографии мамин плед, новый диван, Антон на полу с детьми. Я помню, как просила его хоть вечером с Полиной поиграть. Он уставал. А сейчас может сидеть на полу, держать плед и улыбаться. Я пишу дочери, что домик хороший. Смотрю на её счастливое лицо, прежде чем убрать телефон.

В семь поднимаюсь к маминой квартире. Дверь открывает

Антон. Уже одетый, в джинсах, рядом на тумбочке ключи от машины. На месте буфета собрана новая прихожая: белая, глянцевая, с зеркалом от пола. Я вижу в нём себя и мужа, стоящего за моим плечом, и сразу прохожу дальше.

Полина сидит с Тимой на полу в гостиной. Они разбирают домик, мальчик не даёт убрать плед, тянет его к себе и сердится. Виктория в кухне гремит посудой. Здоровается со мной из дверей, не выходя.

— Мы сейчас, — говорит дочь. — Мам, помоги подушку вытащить, она за диван упала.

Вытаскиваю подушку. Тима тут же пытается забрать, но она ему велика. Полина подхватывает снизу, они вдвоём тащат на диван. Мальчик командует, дочь шутливо жалуется, что он сам ничего не несёт. Я стою с её курткой в руках. Не хочу им мешать. А через несколько минут надо будет сказать «всё, идём», и Тима начнёт плакать.

— Поля, ты завтра утром придёшь? — спрашивает Тима. — Я тебе гараж покажу. Мы не будем его убирать.

— Завтра увидимся, — отвечает она и гладит его по затылку.

Я собираюсь сказать, что время на завтра мы ещё не уточнили, но Антон зовёт меня на площадку. Хочет обсудить, когда заберёт дочь. Отдаю Полине куртку, выхожу на площадку. Дверь оставляю открытой.

— Пусть с утра приезжает, — предлагает он. — Он уже ждать будет. Видишь, как привязался? Если теперь ещё и от-

сюда придётся съезжать, ему тяжело будет.

— Ты сегодня уже это говорил.

— Потому что ты не слышишь, — огрызается Антон, наклоняясь ко мне. Я отступаю к перилам. — Для тебя квартира, а у него тут кровать, игрушки, сестра приходит. Думаешь, он не чувствует, что вокруг происходит?

— Я слышу, — говорю я. — Ты только про другое всё время молчишь. Где письмо, Антон?

— Опять начинаешь? Я про детей говорю!

Из гостиной выглядывает Полина. Она всё не одевается. Смотрит на нас, ждёт. Я сглатываю злость.

— Завтра после завтрака уточним. Полин, собирайся, мы идём.

Антон отступает, выпускает дочь. Тима кричит ей из комнаты, чтобы не забыла приехать. Она возвращается обнять его, я спускаюсь на полпролёта и жду у окна.

По дороге к остановке Полина молчит. Я сначала спрашиваю, как прошёл день, куда ездили. Она отвечает про парк и мороженое, потом вдруг спрашивает:

— А если они переедут, я буду его видеть?

Я останавливаюсь у перехода. До зелёного ещё сорок секунд. Автобус с шипением тормозит за спиной, и дочь поворачивается, чтобы посмотреть номер.

— Будешь. Мы постараемся договориться. Он твой брат.

— А если папа далеко квартиру снимет? — Полина тянет меня за рукав, не даёт повернуться к переходу. — Он сказал,

здесь дорого. И Тима будет думать, что мы его прогнали.

— За дом Тимы отвечают его родители, Полин. Папа и Виктория. Тебе не надо это решать.

— Он же не понимает, кто отвечает! — Полина повышает голос, потом замечает женщину рядом и прижимается ко мне. — Он просто боится. Он меня спрашивал, куда мы его заберём. Я сказала, что никуда.

Зажигается зелёный. Полина идёт к остановке, я рядом. Хочется объяснить ей, что она ничего не должна обещать за нас с отцом. Но дочь уже сердится, отворачивается. В автобусе садится у окна, кладёт сумку на колени. Я сажусь рядом. Несколько остановок молчим.

— Мам, я ему обещала, — наконец говорит она.

— Что завтра приедешь? Утром обсудим, я же сказала.

Полина качает головой. Уже не отворачивается, смотрит прямо на меня. Я жду, что она скажет, и всё сильнее тревожусь.

— Я сказала, скоро поживу у них несколько дней. Он так просил остаться… Я уже обещала ему, мам.

Глава 15. Я хочу побыть с папой

— Ты ему уже обещала? — спрашиваю я. — А со мной когда собиралась поговорить?

Полина отворачивается к окну и подтягивает сумку повыше. Я вижу в стекле её отражение: губы поджаты, на меня не смотрит.

— Я тебе сейчас говорю.

— Ты сейчас сообщаешь, что всё решила! — не выдерживаю я.

Женщина через проход оборачивается. Я понижаю голос. Антон уже обосновался у мамы, теперь ещё и дочь к нему собралась. А я узнаю последней.

— Я ничего не решила! — Полина тоже почти шепчет, сердито, сквозь зубы. — Он просил. Всё ходил за мной. Я сказала, приеду ещё, а он: поживи. Он маленький, мам!

— У него мама есть. И отец, который мог бы сам с ним посидеть.

— Папа сидел! Весь день! Ты же видела! — Полина выпрямляется, уже не прячет от меня лица.

Сегодня он правда был с детьми. На фотографии сидел под пледом, весь в наклейках. Сколько дочь прежде звала его так поиграть, а он только отмахивался.

— А тебе самой хочется? — спрашиваю я после остановки. — Или ты только ему пообещала?

Она кивает, не поворачиваясь. Я жду ответа словами, и дочь наконец смотрит на меня.

— Хочется. Я хочу побыть с папой. В каникулы можно же? Чтобы не по часам. Пришли, поиграли, опять ушли… Я всё время как в гостях.

— А у меня ты где? — вырывается у меня.

Сказала — и сама пугаюсь. Полина вскидывает голову. В глазах уже слёзы, и я ненавижу себя за то, что спросила.

— Мам, я не это… Ты что, правда думаешь, я к тебе больше не вернусь?!

— Не думаю. Прости. — Я пытаюсь убрать сумку между нами, но дочь держит крепко. — Дома поговорим. Нам выходить сейчас.

Она встаёт первой. По дороге до подъезда всё время шмыгает носом, а я никак не нахожу, что сказать. Ещё раз «прости»? Или всё-таки признаться, что ужасно не хочу оставаться одна? Дочь и так из-за меня плачет. Молча придерживаю перед ней дверь.

Дома Полина останавливается у банкетки. Я прошу снять куртку, но она только переставляет сумку с одного плеча на другое.

— Мам, так можно? Ты мне скажи, я больше не буду спрашивать.

— Ты на сколько хочешь? — Я вешаю своё пальто, возвращаюсь к ней. — До конца каникул?

— Ну… Можно до пятницы. В воскресенье я и так поеду,

а потом осталась бы.

Пять дней. Я-то думала, максимум на одну ночь попросится.

— Завтра днём, как договаривались, — говорю я. — На ночь пока домой. А с понедельника можешь остаться до пятницы.

Она вскидывает голову, переспрашивает: «Правда?» Я киваю, и дочь тут же обнимает меня, прямо в куртке, ледяной молнией прижимается к щеке.

— Подожди, я не всё сказала. — Я удерживаю её за плечи, чтобы могла меня выслушать. — В пятницу вечером вернёшься. И звонить каждый день будешь. Мне надо знать, что у тебя всё нормально.

— Буду! Хочешь, два раза? Утром и вечером!

Я смеюсь, хотя самой уже хочется плакать. Дочь наконец расстёгивает куртку и торопится на кухню: надо же папе сказать.

— Только папа тоже должен подтвердить, — говорю я. — Я с ним поговорю.

Антон отвечает почти сразу. Я включаю громкую связь, чтобы потом не выяснилось, будто мы договорились о другом.

— С понедельника по пятницу, — говорю я. — Вечером вернётся. Сам привезёшь или мне забрать?

— Как тебе удобно. Я ей уже всё приготовил, Вера. И спать есть где, не переживай.

Полина сияет рядом со мной. Хочет что-то спросить, но я не даю ей забрать телефон.

— И работа твоя? Она у тебя весь день одна сидеть не будет?

— С нами она будет! — раздражается Антон. — Можешь хоть пять минут поверить, что я о собственной дочери позабочусь?

Я уже набираю воздуха, чтобы напомнить ему, как заботился раньше, но Полина берёт меня за локоть. Губами, без звука просит: «Мам, не надо». Я только повторяю про пятницу и передаю ей телефон. Она убегает с ним в комнату.

В воскресенье после дневной встречи собираем дорожную сумку. Летом паковала в неё вещи на троих. Теперь даже Антону свитер передать не надо: у него там своя одежда.

В понедельник провожаю её перед работой. Полина уговаривает только до подъезда: сама донесёт. Я отвечаю, что всё равно поднимусь. Хочу увидеть, где ей постелили.

Дверь нам открывает Антон. Тима сразу бросается к сестре, не даёт разуться, Виктория уводит его в комнату.

— Поставьте сумку сюда, — говорит она мне, показывая на свободный угол.

Я ставлю, но дальше иду вместе с Полиной. В гостиной у дивана уже стоит коробка с новыми тапочками, на спинке лежит сложенная пижама. На краю стола светится маленькая лампа. Антон включает её ещё раз, показывает дочери, как менять яркость.

— Для уроков. Тебе же неудобно при верхнем свете, — говорит он.

Полина сразу пробует все кнопки. Дома она давно просила такую: у старой лампы свет слишком резкий. Я собиралась купить с зарплаты, а отец уже купил. Даже напоминать не пришлось.

— Спать здесь будешь? — спрашиваю я.

Антон раскладывает диван. Вынимает из шкафа подушку и новое бельё в упаковке. Полина садится, пробует матрас ладонью. Тима тут же забирается рядом.

— Я с тобой! — объявляет он.

— Ты в своей кровати, — отвечает Виктория. — Дай сестре вещи разобрать.

Пижама тоже её размера. Раньше я просила Антона хоть носки купить, писала, какие именно, а потом всё равно меняла. Сейчас сумел выбрать. Злюсь на себя за то, что и этому не могу спокойно порадоваться.

— Мам, я тебе вечером позвоню, — говорит Полина. — Честно. Только сначала тут разложу всё.

Я обнимаю её. За спиной Тима уже зовёт посмотреть конструктор, и Полина тянется к нему, ещё не отпустив меня.

— В пятницу, — напоминаю я. — Сумку не прячь далеко.

Она обещает и убегает к брату. Антон провожает меня только до двери. На улице спешу к остановке: на работу уже впритык. В автобусе приходит фотография детей на диване, потом сердечко от Полины. Отвечаю таким же.

Вечерами она звонит по видео. Поначалу жду этих звонков, заранее придумываю, что спросить, лишь бы подольше не отключалась. А дочь то показывает гараж, который они строят с Тимой, то смеётся: папа утром блины сделал, первые все порвал, остальные научился. Я слушаю и стараюсь не вспомнить, когда он нам последний раз блины жарил.

— Сапоги пришли, — говорю ей в среду. — Забрала сегодня. В пятницу померяешь.

Достаю сапоги, показываю в камеру. Дочь расспрашивает, мягкие ли сверху: старые натирали. После звонка оставляю коробку у банкетки. Послезавтра приедет.

В четверг звонок затягивается. Полина несколько раз смотрит в сторону, на кого-то вне экрана. Я спрашиваю, всё ли хорошо. Она быстро кивает.

— Мам, а можно я ещё побуду? Немножко. Каникулы же до воскресенья.

— Полин, мы договорились на пятницу, — напоминаю я. Дочь сразу перестаёт смотреть в камеру.

— Я знаю. Но тут… Мы с папой ещё хотели съездить. И Тима просит.

Я уже приготовила на завтра её любимую запеканку. Остудила, убрала в холодильник. Даже в магазине сегодня набрала больше, чем нужно одной.

— Приезжай завтра, а после каникул обсудим, как будете видеться дальше.

Полина опускает глаза. За её спиной появляется Антон и

берёт телефон.

— Вера, сама приезжай. Поговорим наконец. И про договор, и письмо покажу. Всё сразу решим.

Я встаю из-за стола. На экране теперь только его лицо, дочь куда-то отошла.

— Письмо отдашь?

— Приедешь — прочтёшь, — отвечает он. — Часов в шесть сможешь?

Я соглашаюсь. Завтра заберу дочь, померяем сапоги, вместе поужинаем. Только пусть отдаст письмо. Хоть это больше не придётся у него выпрашивать.

Глава 16. Мама, я здесь останусь

— Я к шести буду, — повторяю я. — Полина пусть сумку соберёт.

— Приезжай, ждём, — отвечает Антон. — Только не начинай ещё по телефону.

Пишу дочери отдельно: «Завтра заберу. Сапоги померяем». Она присылает «хорошо». Я перечитываю, надеясь, что она всё-таки согласна.

В пятницу после работы еду прямо к маме. В сумке копия договора и пустой файл для письма. В этот раз заберу оригинал, не уеду без него.

Антон ведёт меня в кухню. Виктория берёт тарелку с нарезанным яблоком и уходит к детям. Слышу Полинин смех, потом Тима требует ещё раз показать, как ездит машина.

На столе две чистые чашки. Я не сажусь.

— Письмо.

— Вера, сначала давай… — Он показывает на стул, но я не двигаюсь.

— Нет! — перебиваю я. — Сначала письмо. Давай его сюда.

Он сердито выдвигает ящик, достаёт сложенный лист. Я забираю прежде, чем успевает развернуть сам. Бумага мягкая на сгибах, в углу след от засохшей капли. Мамин почерк. Она всегда сильно нажимала на ручку, и буквы отпечатались

на обороте.

Сажусь. В начале — «Верочка». В последний раз слышала это в больнице, когда поправляла ей подушку. Мама жаловалась, что всё жарко, просила раскрыть. Я уговаривала потерпеть: нельзя же совсем без одеяла. Сейчас бы с радостью послушала, как опять на меня ворчит.

«Ты, наверное, будешь сердиться, что я сама решила. Хотела поговорить, да всё откладываю. Антон сказал, ты не против, чтобы Вика с мальчиком пожили у нас. Но мне надо было самой тебя спросить».

Я перечитываю строку про Антона. Смотрю на него. Он стоит у стола, даже не пытается отойти, хотя прекрасно знает, что я сейчас прочла.

— Ты ей сказал, что я согласна?! — Я поднимаю лист, показываю ему, хотя он уже читал. — Я когда тебе это говорила?!

— Она сама хотела помочь. Ты дальше читай.

— Не командуй мне! — кричу я. — Ты ей врал, что я разрешила! А теперь суёшь её письмо, чтобы я не смела возразить?!

Я встаю. Он тоже отодвигает стул, и я отталкиваю его прежде, чем успевает приблизиться. Не надо меня успокаивать. Не надо трогать, как раньше, когда после ссоры хватало обнять, сказать «ну всё» — и я сама уже шла мириться.

— Я бы согласился с любым её решением, — отвечает Антон. — И ты бы тогда согласилась, если бы…

— Если бы не знала, что это твоя любовница?! Так на это ты и рассчитывал!

Он поворачивается к двери. В коридоре появилась Виктория. Я прижимаю письмо к груди, словно она сейчас тоже может забрать его у меня.

— Оставьте нас, — говорю ей. — Пожалуйста. Хоть сейчас оставьте.

Она смотрит на Антона и уходит. Я закрываю за ней дверь. Лист помялся у края, где держала слишком крепко. Расправляю на столе, долго не могу найти место, на котором остановилась.

Мама благодарит Викторию за продукты, за обеды, за то, что помогала мыться и не морщилась от лекарственных запахов. Пишет, как Тима приносил ей рисунки и сердился, когда она называла грузовик автобусом. Ей жаль мальчика: растёт с одной матерью, помощи от отца нет. Мама думала, жильё даст им возможность немного выдохнуть.

«Не оставляй их на улице, прошу тебя. Пусть поживут, как мы договорились. Я понимаю, тебе с чужими людьми потом разбираться. Прости, что так на тебя всё оставляю. И не сердись на мальчика. Он хороший, Вера».

До конца дочитываю уже сквозь слёзы. Мама, зачем ты так? Я приходила к тебе каждый день. Сидела рядом, держала за руку. Неужели со мной нельзя было заговорить? Теперь она просит меня понять, простить, не обидеть мальчика. А её саму ни о чём уже не спросишь.

Антон двигает ко мне чашку. Я отодвигаю её так резко, что он убирает руку.

— Не надо, — говорю я. — Просто помолчи. Хоть немного.

Он садится напротив. Я фотографирую письмо, убираю в файл. Антон тянется за ним, и я резко отодвигаю сумку.

— У меня останется. Она мне писала.

Он убирает руку, но начинает говорить прежде, чем я успеваю застегнуть молнию.

— Теперь давай поговорим, — начинает Антон. — Ты видишь, мама сама просила. Я предлагаю нормально договориться. Вика остаётся до конца срока. Ты прекращаешь эти письма, требования, адвокатов. Я возвращаюсь к платежам и с разводом не мешаю. Живём дальше, без войны.

— Моя квартира за твои платежи? — спрашиваю я. — Ты свою часть кредита заплатишь, а я должна сказать спасибо и оставить тебе жильё?

— Не мне. Ребёнку!

— Твоему ребёнку! — Я едва не кричу снова. — Сам ему дом ищи! Я не буду за тебя расплачиваться маминым!

Антон откидывается на стуле. Из соседней комнаты слышно, как Полина хохочет, а Тима просит повторить. Я почти ненавижу этот смех. Дочь там счастливая, а я здесь читаю, как моя мама позаботилась о чужой семье. И должна сейчас выйти к ней, никого не напугав.

— Ты только о квартире и думаешь, — говорит он нако-

нец. — А Полина здесь счастливая. С братом, с отцом. Может, хоть о ней подумаешь?

Я встаю. Прохожу мимо него в коридор, к бывшей спальне мамы. Дочь на полу с Тимой, раскладывает детали по цветам. На кровати лежит её толстовка. Полина поднимает голову, увидев меня, перестаёт улыбаться.

— Мам, привет. Ты уже всё?

— Собирайся, поехали. — Я стараюсь говорить обычным голосом. — Ты вещи собрала?

Она опускает в коробку жёлтую деталь. Тима тут же требует её обратно, но сестра не замечает.

— Мам, я хотела попросить. Можно ещё? Пожить. Дней десять.

Я остаюсь в дверях. Ещё десять дней? Думала, попросит до воскресенья, до конца каникул. А она и в школу собирается отсюда ездить.

— Мы же договорились. Сегодня домой.

— Я знаю! — Она перестаёт перебирать детали, сжимает ладони на коленях. — Но мне тут хорошо. С папой. Он мне утром завтрак делает. Мы ездили… Мам, ну не смотри так!

Я отвожу глаза. На подоконнике стоит её новая лампа — уже перенесла из гостиной, чтобы удобнее было собирать конструктор. Тима тянет Полину за рукав, спрашивает, поиграют ли ещё. Она берёт его за руку, но смотрит только на меня.

— Ты не можешь приезжать к брату из дома? — спраши-

ваю я. — Я же не запрещала. Каждый выходной можно договориться.

— А вечером? А утром? — Она поднимается с пола. — Я хочу с папой жить хоть немножко. Я что, не могу?

— А дома у тебя что? Плохо? — спрашиваю я. — Комната своя, всё твоё…

— Я не про комнату! — Полина всхлипывает, вытирает лицо рукавом. — Ты всё про вещи, про квартиру! А я хочу с папой!

Я жалею, что заговорила. Опять сказала совсем не то. Дочь подходит, обнимает меня за пояс; я стою, не умея даже обнять в ответ, пока она не прижимается крепче.

— Я тебя люблю, — шепчет она. — Я домой буду приходить. Ты всё время думаешь, что я тебя бросаю, а я просто… Мам, у меня и папа есть.

Обнимаю её. Поверх Полининой головы вижу Антона: стоит в коридоре, слушает. Я не сказала, что можно ещё на десять дней. Не согласилась. А он уже смотрит так, словно всё решено, осталось только проводить меня.

Тима тянет сестру за толстовку, жалобно спрашивает, они больше не будут играть? Она обещает, что будут, только пусть подождёт немножко. Я отхожу с ней в гостиную. Здесь хотя бы нет детских игрушек под ногами.

— Я не могу сейчас это решить, — говорю дочери. — Дай мне хотя бы с тобой поговорить нормально.

— Хорошо, — отвечает она торопливо. — Только не сер-

дись, пожалуйста.

В гостиной её рюкзак. Полина поднимает его, стоит рядом со мной, потом ставит обратно, у стены. На том месте, где прежде стояло мамино кресло.

— Мам, я здесь останусь. Ладно? — Она не дожидается ответа: Тима уже зовёт её из комнаты.

Я иду к двери, всё ещё держа сумку с письмом. Антон заступает мне дорогу у порога. Говорит тише, чтобы дочь не услышала:

— Ты ведь видела. Она сама хочет со мной. Если начнёшь устраивать — могу и через суд этого добиваться.

Я поднимаю голову. На стене за ним мамина фотография, та самая, в белой кофте. Она смотрит чуть в сторону. Дочь в соседней комнате снова отвечает брату, что сейчас придёт. Я приехала за ней, а рюкзак остался у стены.

Глава 17. Сколько стоит моя дочь?

— Что ты сказал? — Я не отступаю от двери. — Ты мне сейчас дочерью угрожаешь?

Антон оглядывается в коридор, потом берёт меня за локоть. Я сбрасываю его руку, он задевает наличник и со злостью отдёргивает кисть.

— Не трогай! Ты слышал меня? Не смей!

Из детской выглядывает Полина. Я замолкаю. Только что успокоилась, а теперь опять смотрит испуганно, переводит глаза с меня на отца.

— Подожди меня в комнате, — прошу я. — Я ещё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.